

**МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ**

СХХІХ Международная научная конференция

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

КАЗАНЬ

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43
И88

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия:

Э.А. Бердиев, Ю.В. Иванова, А.В. Каленский, В.А. Куташов, К.С. Лактионов, Н.М. Сараева, Т.К. Абдралилов, О.А. Авдеюк, О.Т. Айдаров, Т.И. Алиева, В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, О.Е. Данилов, А.В. Дёмин, К.В. Дядюн, К.В. Желнова, Т.П. Жуйкова, Х.О. Жураев, М.А. Игнатова, Р.М. Исаков, К.К. Калдыбай, А.А. Кенесов, В.В. Коварда, М.Г. Комогорцев, А.В. Котляров, А.Н. Кошербаева, В.М. Кузьмина, К.И. Курпаяниди, С.А. Кучерявенко, Е.В. Лескова, И.А. Макеева, Е.В. Матвиенко, Т.В. Матроскина, М.С. Матусевич, У.А. Мусаева, М.О. Насимов, Б.Ж. Паридинова, Г.Б. Прончев, А.М. Семахин, А.Э. Сенцов, Н.С. Сеньюшкин, Д.Н. Султанова, Е.И. Титова, И.Г. Ткаченко, М.С. Федорова, С.Ф. Фозилов, А.С. Яхина, С.Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З.Г. Айрян (Армения), П.Л. Арошидзе (Грузия), З.В. Атаев (Россия), К.М. Ахмеденов (Казахстан), Б.Б. Бидова (Россия), В.В. Борисов (Украина), Г.Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А.М. Данилов (Россия), А.А. Демидов (Россия), З.Р. Досманбетова (Казахстан), А.М. Ешиев (Кыргызстан), С.П. Жолдошев (Кыргызстан), Н.С. Игисинов (Казахстан), Р.М. Исаков (Казахстан), К.Б. Кадыров (Узбекистан), А.В. Каленский (Россия), О.А. Козырева (Россия), Е.П. Колпак (Россия), А.Н. Кошербаева (Казахстан), К.И. Курпаяниди (Узбекистан), В.А. Куташов (Россия), Э.Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л.В. Малес (Украина), М.А. Наггервадзе (Грузия), Ф.А. Нурмамедли (Азербайджан), Н.Я. Прокопьев (Россия), М.А. Прокофьева (Казахстан), Р.Ю. Рахматуллин (Россия), М.Б. Ребезов (Россия), Ю.Г. Сорока (Украина), Д.Н. Султанова (Узбекистан), Г.Н. Узаков (Узбекистан), М.С. Федорова, Н.Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А.К. Шарипов (Казахстан), З.Н. Шуклина (Россия)

Исследования молодых ученых : материалы СХХХ Международ. науч. конф. И88 (г. Казань, октябрь 2026 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — Казань : Молодой ученый, 2026. — iv, 84 с.

ISBN 978-5-6055990-4-3.

В сборнике представлены материалы СХХХ Международной научной конференции «Исследования молодых ученых».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для широкого круга читателей.

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43

ISBN 978-5-6055990-4-3

© Оформление.

ООО «Издательство Молодой ученый», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ХИМИЯ

Сантурян Т.А., Лагутина Д.Е.

Влияние условий экстракции на содержание биоактивных
компонентов и антиоксидантные свойства экстрактов
лимонной вербены 1

АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО

Демурчева В.И.

Архитектурно-пространственные принципы формирования
инклюзивной образовательной среды для детей с ограниченными
возможностями здоровья 7

ЭКОЛОГИЯ

Спиридонова А.П.

Влияние дисперсности карбоната кальция и состава
композиционного материала на сорбционные свойства сорбентов
на основе целлюлозного волокна 15

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Zhusupov Y.O., Ashimkhan N.M., Zhildikbayeva A.N.

Geoinformation analysis of land use in the Almaty Region
to substantiate directions for land use optimization 21

ЭКОНОМИКА

Кулыгина Е.Ф.

Финансово-административный механизм устранения дефицита
оборотных средств в региональной газораспределительной
организации (на примере АО «Биробиджаноблгаз»). 26

МЕНЕДЖМЕНТ

Осадчий С.С.

Холдинговое финансово-производственное управление:
предложения по повышению эффективности (на примере
металлургической отрасли). 30

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Баранчук В.А.

Отличие интернет-преступлений от традиционных форм
преступлений сексуального характера. 37

Воловик Т.В.

Допустимость электронных доказательств в гражданском
и административном судопроизводстве 47

Лужаева Э.Р.

Брачный договор как разновидность договора в семейном праве:
проблемы теории и правоприменения. 52

Михайлинский Г.О.

Криптовалюта в отечественном законодательстве: краткая история
вопроса 55

Суверов К.А.

Правовой режим обязательств имущественного характера
при разделе имущества супругов 60

Халилуллина О.Ю.

Правовой статус детей-сирот и детей, оставшихся без попечения
родителей, как участников гражданско-правовых отношений 63

Халмрадова Е.С.

Судебный контроль за решениями об экстрадиции в Российской
Федерации: содержание, пределы и современные тенденции 69

СОЦИОЛОГИЯ

Захаркина Т.А.

Социальная работа по профилактике вторичного сиротства
в замещающих семьях: проблемы и направления
совершенствования 75

ПЕДАГОГИКА

Грецова Л.Э.

Методологические и теоретические основы реализации
воспитательного потенциала проекта «Добрые игры» в современном
дошкольном образовании. 79

Х И М И Я

Влияние условий экстракции на содержание биоактивных компонентов и антиоксидантные свойства экстрактов лимонной вербены

Сантурян Татьяна Артуровна, аспирант;

Лагутина Дарья Евгеньевна, аспирант

Научный руководитель: Сухарева Ксения Валерьевна, кандидат химических наук, доцент, заведующий кафедрой

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)

*Исследовано влияние условий получения на химико-биохимические характеристики экстрактов лимонной вербены (*Aloysia citrodora*). Сопоставлены водные и водно-спиртовые экстракты, полученные при различных концентрациях этанола, температуре и продолжительности процесса, включая ультразвуковую интенсификацию. Оценивали общее содержание фенольных соединений методом Фолина — Чокальтеу, содержание флавоноидов спектрофотометрическим методом, антирадикальную активность DPPH-тестом и антиоксидантную активность кулонометрическим методом. Для водного и этанольного экстрактов значения IC₅₀ составили соответственно 25,51 и 18,76 мкг/мл. Для серии E1 — E6 кулонометрически определённая антиоксидантная активность изменялась от 4,5618 до 11,9668 мг/100 мл в пересчёте на рутиновую кислоту. Наиболее высокие значения получены для ультразвуковых образцов E5 и E6. Установлено, что изменения общего содержания фенольных соединений и флавоноидов не во всех случаях совпадают, что связано с различной селективностью аналитических методов и особенностями извлечения отдельных групп компонентов.*

Ключевые слова: лимонная вербена, *Aloysia citrodora*, фенольные соединения, флавоноиды, антиоксидантная активность, DPPH, ультразвуковая экстракция.

Лимонная вербена *Aloysia citrodora* является источником комплекса биологически активных соединений. В экстрактах листьев этого растения выявлены фенолпропаноидные гликозиды, флавоноиды и фенольные соединения. В исследованном сырье методом масс-спектрометрии были идентифицированы актеозид, изоактеозид, цирсилиол, гиспидулин, эупаторин, пектолинаригенин, изорамнетин, генпозидовая кислота, лейкоцептозид А, апигенин, нарингенин, лютеолин и другие компоненты.

Наличие различных классов фенольных соединений обуславливает интерес к оценке антиоксидантных свойств экстрактов. Вместе с тем результат экстракции определяется составом растворителя и технологическими параметрами процесса. Изменение доли этанола в водно-спиртовой смеси способно менять селективность извлечения веществ различной полярности, а ультразвуковое воздействие используется для интенсификации массопереноса.

Комплексная оценка экстракта требует применения нескольких методов. Метод Фолина — Чокальтеу характеризует суммарное содержание фенольных и других соединений с восстанавливающей способностью. Спектрофотометрическое определение флавоноидов ориентировано на более узкую группу полифенольных соединений. Функциональную антиоксидантную способность можно дополнительно оценивать по взаимодействию со стабильным радикалом DPPH и кулонометрическим методом.

Цель работы — оценить влияние условий экстракции на содержание биологически активных компонентов и антиоксидантные свойства экстрактов лимонной вербены.

В качестве сырья использовали листья аэропонно выращенной лимонной вербены. После подготовки растительный материал высушивали при 35–40 °С в течение 24–48 ч до постоянной массы, охлаждали в эксикаторе, измельчали и хранили в герметичных светонепроницаемых ёмкостях при 4 °С.

В эксперименте были получены водные и водно-спиртовые экстракты. Для водной серии использовали режимы 40 °С 60 мин, 60 °С 60 мин и 80 °С 30 мин при термостатировании, а также ультразвуковые варианты при 30–35 °С продолжительностью 20 и 40 мин. Водно-спиртовая серия Е1 — Е6 включала варианты с 50, 70 и 96%-ным этанолом.

Для оценки антиоксидантной активности экстрактов листьев вербены лимонной (*Aloysia citrodora*) использовали колориметрический DPPH-тест, основанный на способности антиоксидантных компонентов нейтрализовать стабильный свободный радикал 2,2-дифенил-1-пикрилгидразил.

Таблица 1. Условия экстракции вербены лимонной для образцов E1 — E6

Образец	Экстрагент	Температура, °C	Время, мин	Способ
E1	50% этанол	50	60	водяная баня
E2	70% этанол	50	60	водяная баня
E3	96% этанол	45	60	водяная баня
E4	50% этанол	35	20	ультразвук
E5	70% этанол	35	20	ультразвук
E6	70% этанол	35	40	ультразвук

Источник: составлено авторами.

Антирадикальную активность характеризовали величиной IC_{50} , соответствующей концентрации экстракта, обеспечивающей 50%-ное ингибирование DPPH-радикала. Для водного экстракта значение IC_{50} составило 25,51 мкг/мл, тогда как для этанольного экстракта 18,76 мкг/мл. Более низкое значение IC_{50} этанольного экстракта свидетельствует о его более высокой антирадикальной активности по сравнению с водным экстрактом. Выявленные различия могут быть обусловлены более эффективным извлечением этанолом фенольных соединений и флавоноидов, вносящих существенный вклад в антиоксидантные свойства экстрактов *A. Citrodora*. Полученные результаты показаны на рисунке 1.

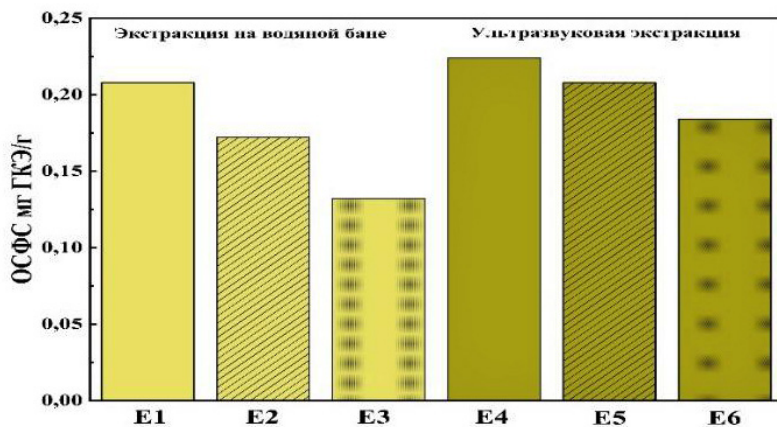

Рис. 1. Общее содержание фенольных соединений в водно-спиртовых экстрактах вербены лимонной. Источник: составлено авторами

Далее для экстрактов определяли общее содержание фенольных соединений по методу Фолина-Чокальтеу, длина волны 760–765 нм. Перед измерением содержания фенольных соединений строили калибровочную зависимость по растворам галловой кислоты. При увеличении концентрации этанола содержание свободных фенольных соединений снижалось, одновременно изменялся функциональный состав получаемых экстрактов. Спектральные данные представлены на рисунке 2.

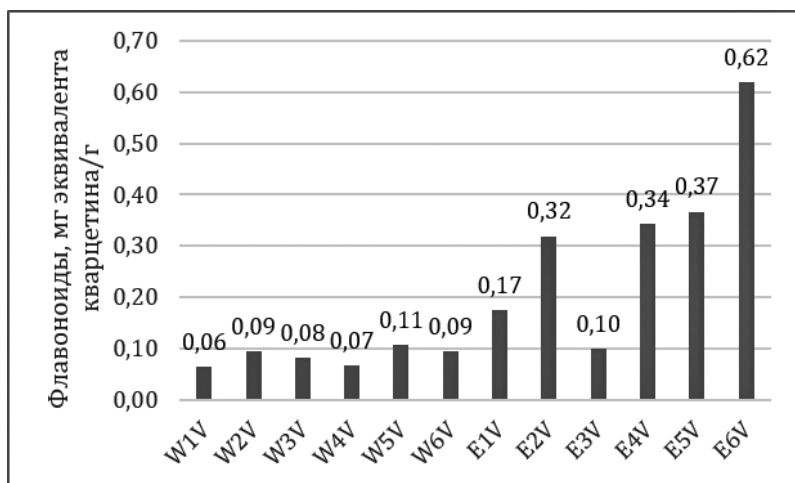

Рис. 2. Содержание флавоноидов в водных и водно-спиртовых экстрактах вербены лимонной. *Источник: составлено авторами*

На следующем этапе определяли содержание флавоноидов методом спектрофотометрии.

Зависимости, установленные для содержания флавоноидов, не во всех случаях совпадали с результатами определения ОСФ. Такое расхождение связано с различиями в селективности применяемых аналитических методов.

Метод Фолина — Чокальтеу характеризует суммарное содержание фенольных и других соединений, обладающих восстанавливающей способностью. Определение флавоноидов, напротив, направлено на более узкую группу полифенольных соединений.

При ультразвуковой экстракции содержание флавоноидов возрастало заметнее, чем общее содержание фенольных соединений. Такое соотношение результатов может быть связано с более выраженным извлечением флавоно-

идов в выбранных условиях ультразвуковой обработки. Результаты определения представлены на рисунке 3.

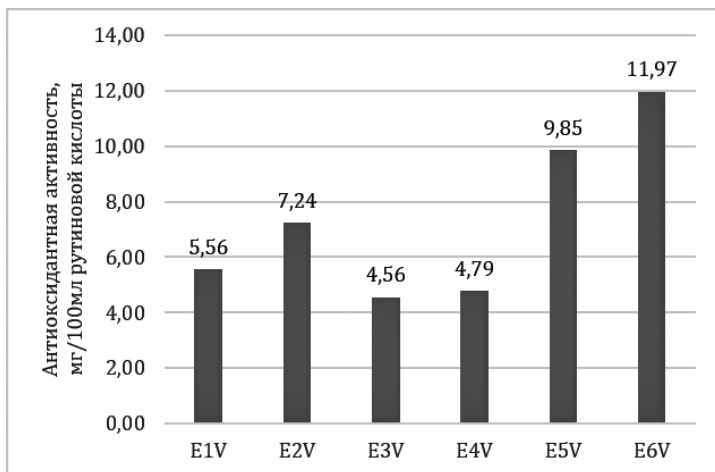

Рис. 3. Антиоксидантная активность водно-спиртовых экстрактов вербены лимонной. *Источник: составлено авторами*

Дополнительную оценку антиоксидантной активности экстрактов проводили кулонометрическим методом на анализаторе «Эксперт-6000».

Максимальная антиоксидантная активность установлена для образцов E5 и E6, полученных с применением ультразвуковой экстракции. Значение показателя достигало 11,97 мг/100 мл в пересчёте на рутиновую кислоту. Аналогичная тенденция наблюдалась при определении содержания флавоноидов: для образцов с более высоким их содержанием регистрировалась и более высокая антиоксидантная активность. Это позволяет связать полученные значения антиоксидантной активности, в частности, с присутствием флавоноидов в исследуемых экстрактах. В то же время зависимость антиоксидантной активности от общего содержания фенольных соединений выражена в меньшей степени, что свидетельствует о различной антиоксидантной эффективности отдельных классов фенольных соединений.

Таким образом, установлено, что условия ультразвуковой экстракции способствуют селективному извлечению флавоноидов, обладающих высокой антиоксидантной активностью, что приводит к увеличению общей антиоксидантной способности экстрактов.

Литература:

1. Athanasiadis V., Chatzimitakos T., Makrygiannis I., Kalompatsios D., Bozinou E., Lalas S. I. Antioxidant-Rich Extracts from Lemon Verbena (*Aloysia citrodora* L.) Leaves through Response Surface Methodology // Oxygen. 2024. V. 4. № 1. P. 1–19. DOI: 10.3390/oxygen4010001.
2. Alvarez Cortes O., Martinez Flores H. E., García-Pérez M.-E. Multifactorial analysis of temperature, solute-to-solvent ratio, and ultrasound amplitude on the extraction of phenolic and antioxidant compounds from *Aloysia citrodora* Palau leaves // PeerJ. 2025. V. 13. e19821. DOI: 10.7717/peerj.19821.
3. Polumackanycz M., Petropoulos S. A., Añibarro-Ortega M., Pinela J., Barros L., Plenis A., Viapiana A. Chemical Composition and Antioxidant Properties of Common and Lemon Verbena // Antioxidants. 2022. V. 11. № 11. 2247. DOI: 10.3390/antiox11112247.
4. Barreto Peixoto J. A., Álvarez-Rivera G., Costa A. S. G., Machado S., Cifuentes A., Ibáñez E., Oliveira M. B. P. P., Alves R. C. Contribution of Phenolics and Free Amino Acids on the Antioxidant Profile of Commercial Lemon Verbena Infusions // Antioxidants. 2023. V. 12. № 2. 251. DOI: 10.3390/antiox12020251.
5. Rashid H. M., Mahmod A. I., Afifi F. U., Talib W. H. Antioxidant and Antiproliferation Activities of Lemon Verbena (*Aloysia citrodora*): An In Vitro and In Vivo Study // Plants. 2022. V. 11. № 6. 785. DOI: 10.3390/plants11060785.

АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО

Архитектурно-пространственные принципы формирования инклюзивной образовательной среды для детей с ограниченными возможностями здоровья

Демурчева Ванда Ильинична, студент магистратуры

Московский архитектурный институт (государственная академия)

В статье рассматриваются архитектурно-пространственные принципы формирования инклюзивной образовательной среды для детей с ограниченными возможностями здоровья. Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от понимания доступности исключительно как совокупности технических требований к комплексному формированию образовательного пространства, учитывающего физические, сенсорные, когнитивные и социальные потребности пользователей. Рассматриваются принципы универсального дизайна, функционального зонирования, пространственной гибкости, визуальной и тактильной навигации, организации рекреационных и индивидуальных пространств. Особое внимание уделяется взаимосвязи архитектурной среды с процессами обучения, социальной адаптации и самостоятельности ребенка. На основе анализа международных подходов и нормативных требований сформулированы основные направления архитектурно-пространственной организации инклюзивных образовательных объектов.

Введение

Современная образовательная архитектура развивается в направлении формирования среды, способной учитывать разнообразие потребностей обучающихся. Образовательное пространство перестает рассматриваться исключительно как совокупность помещений для проведения учебных занятий. Оно становится частью образовательного процесса и влияет на возможности самостоятельного передвижения, взаимодействия, коммуникации и социальной адаптации ребенка.

Особую значимость данный вопрос приобретает при проектировании среды для детей с ограниченными возможностями здоровья. Архитектурные решения в данном случае должны обеспечивать не только физическую доступность здания, но и возможность полноценного участия ребенка в образовательной и общественной жизни.

Международные документы рассматривают инклюзивное образование как один из основных принципов равного доступа к образованию. Согласно статье 24 Конвенции ООН о правах инвалидов, государства должны обеспечивать инклюзивную систему образования на всех уровнях и создавать условия для получения необходимой индивидуализированной поддержки [1].

Таким образом, задача архитектуры заключается не только в обеспечении нормативной доступности объекта, но и в формировании среды, которая минимизирует пространственные барьеры и создает условия для самостоятельного и комфортного использования здания.

Инклюзивная образовательная среда как объект архитектурного проектирования

Понятие инклюзивной среды предполагает создание условий, при которых образовательным пространством могут пользоваться дети с различными физическими и когнитивными возможностями. При этом архитектурные решения должны учитывать не отдельную категорию пользователей, а разнообразие потребностей человека.

Барьеры для получения образования детьми с инвалидностью связаны не только с состоянием здоровья, но и с недостаточной адаптацией образовательных услуг и окружающей среды.

Следовательно, при проектировании образовательного объекта необходимо рассматривать ребенка не как пассивного пользователя специально адаптированного помещения, а как полноценного участника образовательного процесса.

Такой подход предполагает формирование пространства, в котором:

- основные маршруты доступны для самостоятельного передвижения;
- помещения имеют понятную функциональную структуру;
- навигация легко воспринимается различными категориями пользователей;
- предусматриваются пространства для индивидуальной работы;
- существуют места для отдыха и сенсорной разгрузки;
- учебные помещения могут адаптироваться под различные сценарии занятий;

- ребенок имеет возможность самостоятельно выбирать часть пространственных сценариев.

Таким образом, инклюзивная образовательная среда должна обладать одновременно доступностью, понятностью, безопасностью и вариативностью.

Принцип универсального дизайна

Одним из основных подходов к формированию инклюзивной среды является универсальный дизайн. Его основная идея заключается в создании пространства, пригодного для использования максимально широким кругом людей без необходимости последующей специализированной адаптации [2].

Для образовательной архитектуры это особенно важно, поскольку одним зданием одновременно пользуются дети с различными физическими возможностями, преподаватели, родители и специалисты сопровождения.

Применение универсального дизайна позволяет отказаться от чрезмерного разделения пространства на «обычное» и «специализированное». Вместо этого формируется единая среда, отдельные элементы которой обладают необходимой степенью адаптивности.

При проектировании доступной образовательной среды необходимо учитывать требования к организации входных групп, путей движения, помещений и информационной среды. В Российской Федерации соответствующие требования регламентируются СП 59.13330.2020 «Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения» [3].

В архитектурном отношении данный принцип может реализовываться посредством:

- безбарьерных входных групп;
- доступных горизонтальных и вертикальных коммуникаций;
- рациональной ширины проходов;
- отсутствия необоснованных перепадов уровней;
- понятной визуальной навигации;
- контрастного обозначения функциональных элементов;
- применения тактильных средств ориентирования;
- использования мебели и оборудования различных типов;
- организации помещений различного масштаба.

При этом универсальный дизайн не означает полного отказа от специализированных помещений. Напротив, образовательный объект должен сочетать универсальную среду с возможностью индивидуальной поддержки.

Функциональное зонирование инклюзивного образовательного объекта

Одним из ключевых инструментов архитектурного формирования инклюзивной среды является функциональное зонирование.

Общие требования к функционально-планировочной организации общественных зданий, взаимосвязи помещений и организации основных функциональных зон учитываются в соответствии с СП 118.13330.2022 «Общественные здания и сооружения» [4].

В структуре образовательного объекта целесообразно выделять несколько взаимосвязанных зон:

- учебную;
- коррекционно-развивающую;
- общественную;
- рекреационную;
- индивидуальной поддержки;
- административно-хозяйственную.

Учебная зона предназначена для проведения групповых и индивидуальных занятий. Ее организация должна обеспечивать возможность изменения конфигурации пространства в зависимости от образовательного сценария.

Коррекционно-развивающая зона включает помещения для работы специалистов сопровождения: психологов, логопедов, дефектологов и других специалистов.

Особое значение имеет зона индивидуальной поддержки. В отличие от обычной учебной аудитории, такие пространства позволяют ребенку временно перейти к индивидуальному формату обучения или получить необходимую помощь специалиста.

Рекреационная зона должна рассматриваться не просто как место отдыха между занятиями. Для детей с различными особенностями развития она может выполнять функцию психологической разгрузки и восстановления.

Поэтому в структуре здания рекомендуется предусматривать пространства различной степени активности: от открытых коммуникационных зон до небольших тихих помещений.

Пространственная гибкость как принцип инклюзивного проектирования

Современный образовательный процесс предполагает использование различных форм обучения. Одно и то же помещение может использоваться для лекционного занятия, групповой работы, индивидуальной консультации или творческой деятельности.

Поэтому одним из перспективных принципов является пространственная гибкость.

Гибкая образовательная среда может формироваться за счет:

- трансформируемой мебели;
- мобильных перегородок;
- возможности объединения соседних помещений;
- использования помещений различной площади;
- создания многофункциональных рекреационных пространств;
- организации открытых и полукрытых зон.

Для детей с ОВЗ гибкость приобретает дополнительное значение, поскольку интенсивность сенсорной и социальной нагрузки может существенно различаться.

Например, пространство для групповой работы должно иметь возможность временного преобразования в более спокойную индивидуальную среду. Таким образом, трансформируемость становится не только архитектурным, но и педагогическим инструментом.

Навигация и сенсорная организация пространства

Одной из наиболее значимых составляющих инклюзивной архитектуры является система пространственной ориентации.

Для части детей традиционной визуальной информации может быть недостаточно. Поэтому навигационная система должна включать различные способы передачи информации.

К ним относятся:

- цветовое кодирование зон;
- пиктограммы;
- текстовые обозначения;
- тактильные указатели;
- визуальные ориентиры;
- контрастные элементы;
- логичная последовательность помещений.

Особое внимание необходимо уделять композиционной понятности здания. Чрезмерно сложная структура коридоров, большое количество пересечений маршрутов и отсутствие визуальных ориентиров могут затруднять самостоятельное передвижение.

Следовательно, понятность пространства должна рассматриваться как самостоятельная характеристика архитектурной доступности.

Рекреационные и сенсорные пространства

В традиционной образовательной архитектуре рекреация часто рассматривается как пространство общего пользования между учебными занятиями. В инклюзивной среде ее функции значительно расширяются.

Рекреационное пространство может использоваться для:

- отдыха;
- общения;
- восстановления после интенсивной деятельности;
- индивидуального пребывания;
- сенсорной разгрузки;
- неформального обучения.

При этом необходимо обеспечивать разнообразие пространственных сценариев.

Наряду с открытыми рекреациями могут использоваться небольшие тихие зоны, позволяющие снизить уровень визуальных, акустических и социальных раздражителей.

Такой подход особенно важен при создании образовательной среды, ориентированной на индивидуальные особенности восприятия.

Взаимосвязь архитектуры и социальной адаптации

Архитектурная среда образовательного учреждения оказывает влияние не только на физическую доступность, но и на характер социальных взаимодействий.

Пространства совместного использования создают возможность общения между детьми с различными образовательными потребностями. При этом важно избегать формирования отдельных маршрутов и изолированных помещений, если они не обусловлены функциональной необходимостью.

Конвенция ООН о правах инвалидов связывает образование с возможностью полноценного участия человека в обществе [1].

Следовательно, архитектура образовательного объекта должна способствовать не только индивидуальной поддержке, но и совместной деятельности.

Это может реализовываться через:

- общие рекреационные пространства;
- многофункциональные залы;
- творческие мастерские;
- пространства совместной работы;
- общественные зоны;
- доступные спортивные и игровые пространства.

Таким образом, инклюзивная архитектура становится инструментом социальной интеграции.

Международные подходы к формированию инклюзивной среды

Международная практика демонстрирует постепенный переход от понимания доступности как исключительно физической характеристики к более комплексному представлению об образовательной среде.

Инклюзия и равенство как взаимосвязанные элементы развития образовательных систем и подчеркивает необходимость устранения различных форм исключения из образования.

В 2026 году UNICEF также представил глобальный отчет Learning is for Everyone, посвященный развитию систем инклюзивного образования для детей с инвалидностью. Исследование рассматривает барьеры и возможности масштабирования инклюзивных образовательных практик на основе данных из нескольких стран [5].

Таким образом, международный подход подтверждает необходимость комплексного рассмотрения инклюзивной среды, включающего архитектурные, образовательные и социальные аспекты.

Основные архитектурные принципы

На основе рассмотренных подходов можно сформулировать основные архитектурно-пространственные принципы формирования инклюзивной образовательной среды:

Принцип доступности	Все основные функциональные зоны должны быть доступны для различных категорий пользователей
Принцип универсальности	Основные элементы здания должны быть пригодны для максимально широкого круга пользователей
Принцип понятности	Планировочная структура и система навигации должны обеспечивать возможность самостоятельной ориентации
Принцип безопасности	Пространство должно минимизировать физические и сенсорные риски
Принцип гибкости	Помещения должны иметь возможность адаптации под различные образовательные сценарии
Принцип вариативности	Среда должна предоставлять пользователю возможность выбора между различными пространственными сценариями
Принцип социальной интеграции	Общественные и образовательные пространства должны способствовать взаимодействию детей
Принцип индивидуальной поддержки	В структуре объекта должны присутствовать пространства для индивидуальных занятий, коррекционной помощи и сенсорной разгрузки

Данные принципы могут применяться совместно и формировать единую архитектурную модель инклюзивного образовательного объекта.

Заключение

Формирование инклюзивной образовательной среды требует комплексного подхода к архитектурному проектированию. Доступность здания не должна ограничиваться обеспечением беспрепятственного входа и передвижения. Полноценная инклюзивная среда включает также понятную навигацию, гибкое функциональное зонирование, разнообразие пространственных сценариев, возможность индивидуальной поддержки и условия для социальной коммуникации.

Анализ международных подходов показывает, что современная инклюзивная образовательная среда должна рассматриваться как система взаимосвязанных пространственных, функциональных и социальных элементов. Архитектура в данном случае становится одним из инструментов обеспечения равного участия детей в образовательном процессе.

Особое значение приобретают универсальный дизайн, пространственная гибкость и создание многофункциональных зон, способных адаптироваться к индивидуальным потребностям пользователей.

Литература:

1. United Nations. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Article 24. Education. United Nations, 2006.
2. Steinfeld E., Maisel J. Universal Design: Creating Inclusive Environments. — Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2012.
3. СП 59.13330.2020. Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения. Актуализированная редакция СНиП 35–01–2001.
4. СП 118.13330.2022. Общественные здания и сооружения. Актуализированная редакция СНиП 31–06–2009.
5. UNICEF Innocenti. Learning is for Everyone: Global Report. Paving the pathway for inclusive education for children with disabilities. Florence: UNICEF Innocenti, 2026.

ЭКОЛОГИЯ

Влияние дисперсности карбоната кальция и состава композиционного материала на сорбционные свойства сорбентов на основе целлюлозного волокна

Спиридонова Алла Павловна, аспирант

Научный руководитель: Гребёнкин Александр Николаевич, доктор технических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: Гребёнкин Андрей Александрович, кандидат технических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина)

В статье автор исследует влияние дисперсности карбоната кальция, соотношения компонентов, типа целлюлозной матрицы и времени контакта на сорбционные характеристики композиционных материалов. Установлено, что размер частиц минерального наполнителя и природа целлюлозного компонента существенно влияют на структуру и нефтеёмкость сорбента. Определено оптимальное соотношение компонентов (65% целлюлозы и 15% CaCO_3) и изучены кинетические закономерности процесса сорбции нефтепродуктов. Полученные данные позволяют рекомендовать разработанный материал для практического применения при ликвидации разливов нефтепродуктов.

Ключевые слова: сорбент, целлюлозное волокно, карбонат кальция, нефтеёмкость, дисперсность, кинетика сорбции.

Загрязнение окружающей среды нефтепродуктами остаётся одной из актуальных экологических проблем [1]. Эффективным методом ликвидации разливов является применение сорбционных материалов [2,3]. Композиционные сорбенты на основе природных полимеров, в частности целлюлозного волокна,

привлекают внимание исследователей благодаря доступности сырья, биоразлагаемости и хорошим сорбционными характеристикам [4,5]. Важным фактором, определяющим эффективность таких материалов, является структура порового пространства, которая во многом зависит от характеристик минерального наполнителя и типа целлюлозной матрицы [6].

Целью настоящего исследования являлось установление влияния дисперсности карбоната кальция, содержания компонентов, типа целлюлозной основы и времени контакта на сорбционные свойства композиционных материалов на основе целлюлозы. Работа выполнена в рамках программы академической мобильности.

В качестве основного компонента сорбента использовались различные типы целлюлозных материалов [4]:

1. Ecollose WBf 125 (Ecollose Wand 125) — целлюлозный материал с выраженной волокнистой структурой, ориентированный на формирование устойчивого каркаса сорбента;
2. Ecollose — фильтрующий агент — тонкодисперсная целлюлозная фракция, предназначенная для равномерного распределения в матрице и увеличения удельной поверхности;
3. Ecollose H-Lic — модифицированная целлюлозная основа с повышенной гидрофильностью, потенциально способная влиять на селективность сорбции;
4. Композиционный материал «ВАЛКОМ-ПМ» — готовый промышленный образец, использованный в качестве сравнительного эталона.

В качестве минерального наполнителя применялся карбонат кальция (CaCO_3) различной дисперсности [5]: крупные частицы (до 3,5 мм), средние частицы (до 1,1 мм) и мелкодисперсный порошок.

Были исследованы составы с различным соотношением компонентов: 65/15, 60/20, 55/25, 50/30 и 45/35% (целлюлоза/ CaCO_3). Для каждого типа целлюлозного материала готовили параллельные серии образцов, чтобы оценить влияние природы матрицы на итоговые свойства.

Оценка сорбционной способности проводилась по показателю нефтеёмкости (г/г) при контакте с дизельным топливом и отработанным моторным маслом [6]. Время контакта варьировалось от 10 до 60 минут.

Влияние дисперсности CaCO_3 на свойства сорбентов. Экспериментальные данные показали, что размер частиц карбоната кальция существенно влияет на формирование структуры сорбента и его эксплуатационные характеристики [5]. При этом выраженность эффекта зависела от типа целлюлозной матрицы: для волокнистых материалов (Ecollose WBf 125) крупные частицы CaCO_3 спо-

способствовали формированию более жёсткого каркаса, тогда как для тонкодисперсных фракций (Ecollose — фильтрующий агент) оптимальным оказался мелкодисперсный наполнитель.

При использовании крупных частиц CaCO_3 были получены наиболее высокие значения нефтеёмкости: для образца № 2—20,33 г/г, для образца № 3—20,00 г/г. Это объясняется формированием устойчивого каркаса материала, в котором крупные частицы наполнителя способствуют сохранению механической прочности и развитию межволоконного пространства [5]. Однако такой наполнитель может снижать однородность структуры и ограничивать площадь контакта материала с загрязнителем.

Применение средних частиц CaCO_3 обеспечило умеренные результаты: максимальное значение нефтеёмкости для образца № 3 составило 17,67 г/г, а для отдельных составов в диапазоне 7–12 г/г. Промежуточный размер частиц обеспечивает стабильность структуры, но не всегда позволяет сформировать максимальный объём доступного сорбционного пространства.

Мелкодисперсный CaCO_3 обеспечивал более равномерное распределение внутри целлюлозной матрицы [5]. Максимальные значения нефтеёмкости составили: для образца № 1 — до 16,33 г/г, для образца № 3 — до 14,00 г/г. При этом в некоторых составах наблюдалось снижение доступности порового пространства из-за частичного заполнения микропор минеральными частицами.

Роль типа целлюлозного материала в формировании сорбционных свойств

Сравнительный анализ показал, что природа целлюлозной матрицы существенно влияет на итоговые характеристики сорбента [4,5]:

1. Ecollose WBf 125 обеспечивал высокую механическую прочность и хорошую нефтеёмкость за счёт развитой волокнистой структуры. Наилучшие результаты были достигнуты при использовании крупных и средних фракций CaCO_3 , которые эффективно формировали каркас без существенного перекрытия пор.

2. Ecollose — фильтрующий агент благодаря мелкодисперсной структуре способствовал равномерному распределению наполнителя и увеличению удельной поверхности. Однако при избытке CaCO_3 наблюдалось снижение нефтеёмкости из-за перекрытия пор. Оптимальными оказались составы с мелкодисперсным CaCO_3 и умеренным содержанием наполнителя.

3. Ecollose H-Lic продемонстрировал повышенную селективность к полярным компонентам нефтепродуктов, что может быть связано с модифициро-

ванной поверхностью волокон. При этом общая нефтеёмкость была несколько ниже по сравнению с другими типами целлюлозы.

4. Композиционный материал «ВАЛКОМ-ПМ» использовался в качестве эталонного образца. Его характеристики находились на среднем уровне: нефтеёмкость составляла порядка 15–17 г/г в зависимости от состава. Это позволило использовать его как точку сравнения для оценки эффективности новых составов.

Влияние содержания целлюлозного волокна и CaCO_3 . Исследование составов с различным соотношением компонентов показало, что увеличение содержания CaCO_3 выше оптимального уровня приводит к снижению нефтеёмкости [5,6]. Основными причинами этого эффекта являются:

- уменьшение количества активной целлюлозной фазы;
- снижение количества доступных функциональных групп;
- частичное перекрытие пор минеральными частицами;
- уменьшение объёма пространства для удержания нефтепродукта.

Наиболее эффективным оказался состав, содержащий 65% целлюлозного волокна и 15% CaCO_3 в форме порошка. Данный материал продемонстрировал стабильную работу при испытаниях с дизельным топливом и моторным маслом, сочетая достаточную механическую прочность с высокой сорбционной способностью.

Изучение кинетики поглощения нефтепродуктов показало, что наиболее интенсивное увеличение нефтеёмкости происходит в первые 30–40 минут контакта [3]. После этого наблюдается стабилизация процесса, обусловленная заполнением доступного порового пространства сорбента.

Для наиболее эффективного образца (№ 3) были получены следующие кинетические зависимости, представленные в таблице 1.

Таблица 1. Кинетика сорбции нефтепродуктов образцом № 3
в зависимости от времени контакта

Время контакта, мин	Дизельное топливо, г/г	Отработанное моторное масло, г/г
10	2,67	4,98
20	3,41	6,11
30	—	6,21
40	3,89	—
50	4,75	—
60	6,11	5,43

Наблюдаемое снижение нефтёмкости при длительном контакте с моторным маслом (после 30 минут) может быть связано с увеличением вязкости загрязнителя или частичным вытеснением адсорбированного вещества [3]. Полученные результаты подтверждают эффективность разработанных материалов при длительном контакте с нефтепродуктами.

В ходе проведённого исследования установлено, что оптимальная структура композиционного сорбента формируется при сочетании:

- достаточного количества целлюлозного волокна;
- оптимальной концентрации CaCO_3 ;
- соответствующего размера частиц минерального наполнителя;
- подходящего типа целлюлозной матрицы.

Наилучшие результаты достигнуты при использовании состава с содержанием 65% целлюлозы и 15% мелкодисперсного CaCO_3 . В качестве целлюлозной основы наиболее перспективным оказался материал Ecollose WbF 125, который обеспечил высокую нефтёмкость и стабильность свойств при контакте с различными нефтепродуктами. Композиционный материал «ВАЛКОМ-ПМ» подтвердил свою работоспособность как промышленный эталон, однако новые составы продемонстрировали более высокие показатели. Полученные результаты могут быть использованы при разработке эффективных сорбционных материалов для ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов.

Литература:

1. Ликвидация разливов нефти с использованием сорбентов / А. П. Спиридонова, А. А. Гребёнкин, А. Н. Гребёнкин, А. А. Гребёнкин. — Текст: непосредственный // Вестник молодых ученых СПбГУПТД. — 2023. — № 3. — С. 46–52.
2. Способ оперативной ликвидации аварийных разливов нефти и нефтепродуктов на водной поверхности / А. Н. Гребёнкин, А. П. Спиридонова, А. А. Гребёнкин, А. А. Гребёнкин — Текст: непосредственный // ВЕСТНИК СПГУТД «Естественные и технические науки». — 2024. — № 1. — С. 118–122.
3. Исследование эффективности сорбции целлюлозно-минерального сорбента топочного мазута на водной поверхности / А. П. Спиридонова, А. Н. Гребёнкин, А. И. Нуриев, А. А. Гребёнкин — Текст: непосредственный // ПРОМТЕХДИЗАЙН Естественные и технические науки Сборник статей всероссийской научной конференции молодых ученых

- с международным участием. — СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2025. — С. 159–162.
4. Спиридонова, А. П. Изучение свойств целлюлозного сорбента / А. П. Спиридонова, А. Н. Гребёнкин, А. А. Гребёнкин. — Текст: непосредственный // Вестник молодых ученых СПбГУПТД. — 2024. — № 3. — С. 130–133.
 5. Механизмы сорбции нефти и нефтепродуктов целлюлозосодержащими волокнистыми сорбентами / А. П. Спиридонова, А. Р. Дункабаш, А. Н. Гребёнкин, А. А. Гребёнкин. — Текст: непосредственный // Вестник СПбГУПТД. — 2025. — С. 105–108.
 6. Спиридонова, А. П. Способ ликвидации аварийного разлива мазута с поверхности воды с помощью целлюлозосодержащего сорбента / А. П. Спиридонова, А. Н. Гребёнкин, А. И. Нуриев. — Текст: непосредственный // Инновации молодежной науки: тезисы докладов Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием. — 2025. — № 1. — С. 114–115.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Geoinformation analysis of land use in the Almaty Region to substantiate directions for land use optimization

Zhusupov Yerzhan Orazuly, PhD candidate;

Ashimkhan Nazerke Merkibaykyzy, PhD candidate;

Zhildikbayeva Aizhan Naskenovna, PhD, Associate Professor

Kazakh National Agrarian Research University (Almaty)

Land use optimization in the Almaty Region requires spatial decisions that reconcile agricultural production, water availability and ecosystem protection. This study analyses the 2024 land balance and develops a GIS framework linking cadastral records with land cover, terrain and environmental constraints. Pastures comprise 87.3% of agricultural land-use areas, supporting their priority in regional planning. Proposed directions include rotational grazing, improved irrigation, erosion control, selective rehabilitation of fallow land and protection of productive soils and wetlands. An optimization matrix and a SWOT analysis connect these directions to spatial criteria, monitoring indicators and implementation conditions. The recommendations require local verification before parcel allocation.

Keywords: geographic information systems, land use optimization, spatial analysis, pastures, sustainable land management, Almaty Region.

1 Introduction

1. Land management in the Almaty Region must accommodate agricultural production, settlement growth and conservation within a heterogeneous landscape. Regional statistics describe the land structure, but practical allocation decisions require information on soil condition, water access, terrain and competing uses. Geographic information systems (GIS) allow these factors to be examined together and support explicit comparisons between alternative uses [1].

The aim is to substantiate directions for land use optimization by combining official land-accounting evidence with a spatial decision framework. The analysis focuses on agricultural land and its interaction with settlement development and sensitive

ecosystems [2]. It identifies relevant GIS criteria, proposes management measures and evaluates implementation conditions through an analysis of strengths, weaknesses, opportunities and threats (SWOT).

2. Materials and Methods

The study area is the Almaty Region in southeastern Kazakhstan. The territorial reference is the region after the 2022 administrative reform, with the Balkhash, Enbekshikazakh, Zhambyl, Ili, Karasai, Kegen, Raiymbek, Talgar and Uyghur districts. Almaty city is a separate administrative unit. Historical statistics require adjustment to common boundaries before comparison [3]. The study area is outlined in Figure 1. The analytical setting includes irrigated valleys, foothills, mountain land and the Ili delta.

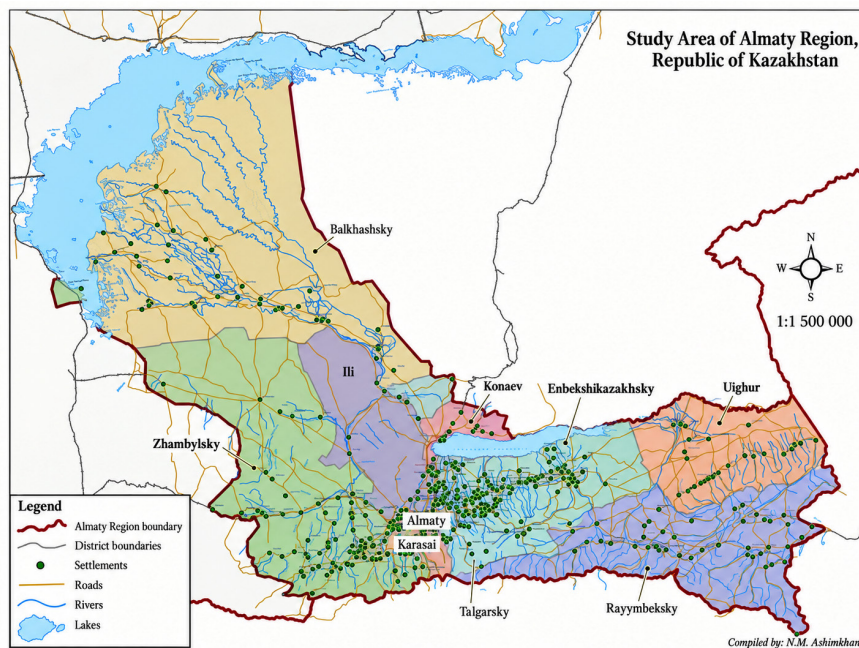

Fig. 1. Study area

The quantitative baseline is Table 6 of the national land report for 2024, dated 1 November 2024 [4]. The study combines descriptive structural analysis with a proposed GIS assessment procedure. Cadastral polygons, administrative boundaries, Sentinel-2 seasonal composites, elevation, soils, irrigation infrastructure and protected

habitats constitute the required spatial layers [5]. Satellite classification and parcel ranking are implementation steps, rather than completed empirical outputs of this study.

The procedure harmonizes dates, land categories and coordinate systems, checks polygon topology, and joins land-balance attributes to district boundaries. Seasonal vegetation indices and land-cover trajectories would identify candidate changes, which must be checked against crop calendars and field observations. Terrain, soils, water access and settlement proximity then support overlay analysis.

For each candidate use, criteria are standardized to a common scale and combined by a weighted average, with weights summing to one [6]. Water availability, habitat safeguards and incompatible uses are treated as constraints. Agricultural, conservation and balanced scenarios would compare alternative priorities [7]. Weight sensitivity and independent field validation are required before assigning parcels to priority classes. This study establishes the decision criteria, without estimating parcel scores or scenario gains.

3. Results

In 2024, land designated for agriculture occupied 4,522.1 thousand ha, including 4,467.4 thousand ha of agricultural land-use areas. These comprised 3,898.5 thousand ha of pastures, 438.2 thousand ha of arable land, 61.6 thousand ha of hayfields, 50.4 thousand ha of fallow land and 18.7 thousand ha of perennial plantations [8]. Calculated against agricultural land-use areas, the shares are 87.3%, 9.8%, 1.4%, 1.1% and 0.4%, respectively. This denominator excludes other land within the agricultural category and does not represent the entire regional territory.

The pasture share supports prioritizing grazing management in the proposed assessment. However, total area cannot establish accessible forage supply or local grazing pressure. Candidate pasture interventions should therefore be examined in relation to livestock demand, seasonal biomass, water points and access routes. Cropland measures require water and soil diagnostics. Settlement interfaces and the Ili delta add competing-use and conservation constraints; the delta forms part of an internationally designated wetland.

Table 1. **Proposed directions for land use optimization**

Land use setting	GIS criteria	Optimization direction	Monitoring indicator
Pastures near settlements	Biomass trends; livestock density; access to water and grazing routes	Rotational grazing; restoration of overused sites; access to verified seasonal pastures	Grazing demand relative to locally assessed forage capacity

Land use setting	GIS criteria	Optimization direction	Monitoring indicator
Irrigated cropland	Water access; crop water needs; soil salinity	Improve irrigation infrastructure; target efficient irrigation where technically viable	Water use per hectare; salinity change
Sloping foothill cropland	Slope; soil erodibility; vegetation cover	Contour cultivation; protective grass strips; perennial cover on vulnerable slopes	Soil cover; mapped gully development
Fallow and underused land	Seasonal land cover; soil suitability; tenure; water	Field inspection followed by compatible cultivation, forage use or ecological recovery	Verified area returned to viable use

Table 1 links each proposed intervention to observable spatial conditions and a monitoring indicator. These are screening directions, not measured district-level diagnoses. Priority sites should be selected where verified land-use pressure overlaps with management feasibility. Productive rehabilitation is appropriate only when soil, water and access conditions support it; other sites may be better suited to restoration.

4. Discussion

GIS can make the basis of allocation decisions traceable, but implementation depends on data maintenance, analytical capacity and coordination. The SWOT matrix distinguishes internal capabilities and limitations from external opportunities and threats (Table 2).

Table 2. **SWOT analysis of GIS application for land use optimization**

Strengths	Weaknesses
Combines cadastral, environmental and land-cover evidence. Localizes conflicting uses and candidate interventions. Supports reproducible scenario comparisons and monitoring.	Uneven dates and quality of input layers. Incomplete soil, livestock and parcel attributes. Seasonal signals and mixed pixels require interpretation and field checks.
Opportunities	Threats
Open satellite data and accessible GIS software. Shared regional databases and participatory mapping. Integration of irrigation, restoration and spatial planning priorities.	Drought and changing water availability. Restricted data sharing and limited maintenance budgets. Uncritical use of rankings, security failures and exclusion of local users.

The matrix supports four implementation responses. Combining GIS strengths with open-data opportunities enables a shared monitoring system. Addressing weaknesses through common data standards and staff training improves comparability. Using scenario analysis against climatic threats tests whether interventions remain

feasible under reduced water supply. Limiting the interaction between weak data and external pressures requires field verification, controlled data access and consultation with affected land users.

5. Conclusion

The agricultural land structure provides a quantitative reason to place pasture management at the centre of land use optimization in the Almaty Region. GIS can connect this priority with irrigation, erosion control, selective land rehabilitation and conservation through explicit spatial criteria. The optimization and SWOT matrices translate the framework into proposed measures and implementation responses. Operational use requires harmonized boundaries, seasonal observations, field validation and locally agreed weights. These conditions allow regional priorities to be refined into defensible parcel-level decisions.

References:

1. Ministry of Agriculture of the Republic of Kazakhstan, Committee for Land Management. Consolidated Analytical Report on the State and Use of Lands of the Republic of Kazakhstan for 2024. Astana; 2024. Table 6.
2. Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. Administrative-territorial division as of 1 January 2023. Astana; 2023.
3. Phiri D., Simwanda M., Salekin S., Nyirenda V. R., Murayama Y., Ranagalage M. Sentinel-2 Data for Land Cover/Use Mapping: A Review. *Remote Sensing*. 2020;12(14):2291. doi:10.3390/rs12142291.
4. Malczewski J. GIS-based multicriteria decision analysis: a survey of the literature. *International Journal of Geographical Information Science*. 2006;20(7):703–726. doi:10.1080/13658810600661508.
5. Ramsar Sites Information Service. Ili River Delta and South Lake Balkhash. Site No. 2020. Designated 1 January 2012. Accessed 30 September 2026.
6. Bennett R. M., van Oosterom P., Lemmen C., Koeva M. Remote Sensing for Land Administration. *Remote Sensing*. 2020;12(15):2497. doi:10.3390/rs12152497.
7. Gorelick N., Hancher M., Dixon M., Ilyushchenko S., Thau D., Moore R. Google Earth Engine: Planetary-scale geospatial analysis for everyone. *Remote Sensing of Environment*. 2017;202:18–27. doi:10.1016/j.rse.2017.06.031. ScienceDirect
8. Akıncı H., Özalp A. Y., Turgut B. Agricultural land use suitability analysis using GIS and AHP technique. *Computers and Electronics in Agriculture*. 2013;97:71–82. doi:10.1016/j.compag.2013.07.006. ScienceDirect

ЭКОНОМИКА

Финансово-административный механизм устранения дефицита оборотных средств в региональной газораспределительной организации (на примере АО «Биробиджаноблгаз»)

Кулыгина Екатерина Федоровна, студент магистратуры

Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема
(г. Биробиджан)

В работе диагностируется проблема хронической дебиторской задолженности бюджета перед АО «Биробиджаноблгаз». Субъект естественной монополии вынужден кредитовать региональный бюджет за счет собственных оборотных средств из-за диспаритета между волатильной биржевой стоимостью закупки сжиженного углеводородного газа (СУГ) и статичными социальными тарифами. Предлагается к внедрению четырехуровневая модель превентивного финансирования межтарифной разницы, исключающая стадию судебного взыскания.

1. Диагностика финансовой блокады предприятия

1. АО «Биробиджаноблгаз» функционирует в условиях жесткого ценового регулирования со стороны департамента тарифов и цен правительства Еврейской автономной области (ЕАО). Географическая изоляция ЕАО обуславливает высокую стоимость логистики углеводородов. В текущих макроэкономических реалиях биржевая котировка сжиженного газа демонстрирует скачкообразный рост.

Региональный регулятор, руководствуясь политикой сдерживания социальной напряженности, фиксирует розничную цену на уровне, не покрывающем переменные издержки поставщика. Возникает системная экономическая лакуна: фактическая себестоимость ресурса превышает выручку от реализации. Традиционная процедура компенсации через ежегодное тарифное регулирование обладает критическим лагом — средства поступают спустя 12–18 месяцев после возникновения убытка, зачастую только по ре-

шению арбитражного суда. Это провоцирует дефицит ликвидности и невозможность своевременного обновления материально-технической базы газового хозяйства региона.

2. Проектирование механизма оперативной компенсации

Для трансформации пассивной позиции кредитора в активную позицию получателя бюджетных средств предлагается следующий алгоритм интеграции предприятия в бюджетный процесс ЕАО.

Этап 1. Институционализация динамического ценообразования

Отказ от годовой фиксации тарифа в пользу квартальной формулы индексации. В текст постановления правительства ЕАО о розничных ценах вводится параметрический триггер: *«Пересмотр розничной цены или автоматическое начисление дотации инициируется при превышении средневзвешенной закупочной стоимости СУГ (согласно данным бухгалтерского учета газораспределительной организации (ГРО)) над базовой величиной более чем на 5% в течение отчетного квартала»*. Данный подход лишает исполнительную власть возможности игнорировать рыночную конъюнктуру до конца календарного года.

Этап 2. Бюджетирование ассигнований ex-ante (до факта возникновения затрат)

Смена парадигмы с «возмещения ущерба» на «плановое субсидирование». До начала финансового года заключается генеральное соглашение между АО «Биробиджаноблгаз» и министерством финансов ЕАО. Лимиты бюджетных обязательств (ЛБО) резервируются в системе Федерального казначейства целевым образом. График траншей привязывается к сезонности потребления (пиковые выплаты планируются на осенне-зимний период). Это исключает риск секвестирования данных средств при перераспределении регионального бюджета на иные нужды.

Этап 3. Модуль безакцептного исполнения платежных обязательств

Исключение административного барьера и судебной стадии. Справка-расчет выпадающих доходов, заверенная подписями руководителя и главного бухгалтера, подается в Минфин ЕАО до 5-го числа месяца, следующего за отчетным. Устанавливается регламент «молчаливого согласия»: если в течение 10 рабочих дней ведомство не направляет мотивированный протокол расхождений, сумма признается обоснованной. Казначейство исполняет платеж на основании действующего генерального соглашения без истребования дополнительных первичных документов (накладных), так как раздельный учет ведется в цифровом контуре предприятия.

Этап 4. Применение инструментов инфраструктурного авалирования

Решение проблемы кассовых разрывов министерства финансов. Если региональная казна подтверждает обязательство, но не имеет наличной ликвидности, задействуется трехсторонняя схема: **ГРО — правительство ЕАО — уполномоченный банк**. Правительство выдает государственную гарантию. Банк предоставляет предприятию возобновляемую кредитную линию для покрытия будущих субсидий. Погашение кредита и процентов осуществляет Казначейство непосредственно в пользу банка в даты, утвержденные графиком. Для «Биробиджаноблгаза» это означает получение денег в день дорогой закупки газа, а не через год судебных разбирательств.

Заключение

Реализация предложенной модели переводит взаимодействие АО «Биробиджаноблгаз» с правительством ЕАО из плоскости гражданско-правовых споров в плоскость автоматизированного бюджетного администрирования.

Прогнозная эффективность внедрения оценивается следующим образом.

1. Оборачиваемость капитала. Сокращение периода оборота дебиторской задолженности бюджета перед предприятием с 420 дней (среднее время судебных процессов и исполнительного производства) до 15 дней (регламентный срок оплаты по справке-расчету).

2. Экономия ресурсов. Высвобождение юридического департамента компании от рутинной претензионно-исковой работы, перенаправление ресурсов на техническое обслуживание сетей.

3. Инфраструктурная безопасность. Обеспечение бесперебойного цикла закупок СУГ даже при резких колебаниях биржевых индексов, предотвращающее остановку газовых заправок и перебои в теплоснабжении жилого фонда ЕАО.

Переход к механизму автоматического списания требует лишь политической воли руководства региона и внесения точечных изменений в действующий порядок предоставления субсидий, при этом определяющим экономическим эффектом станет обеспечение устойчивости единственной газораспределительной организации области, что является критическим условием для бесперебойного газоснабжения региона.

Литература:

1. О государственном регулировании цен на газ, тарифов на услуги по его транспортировке...: Постановление Правительства РФ от 29.12.2000

- № 1021 (ред. от 29.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 175.
2. Об утверждении Методики определения размера специальных надбавок к тарифам на транспортировку газа газораспределительными организациями для финансирования программ газификации: Приказ ФСТ от 21.06.2011 № 154-э/4 (ред. от 25.04.2025) // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116906/9f7dea466b80744a049484c0dbed0f8bbaf24/?ysclid=mukt1uhl66548743644 (дата обращения: 28.09.2026).
 3. Разъяснения по вопросу расчета специальной надбавки к тарифам на транспортировку газа ГРО: Письмо ФАС России от 02.08.2023 № ВК/61607/23 // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://rulaws.ru/acts/Pismo-FAS-Rossii-ot-02.08.2023-N-VK_61607_23/?ysclid=muktsf6860998119121 (дата обращения: 28.09.2026).
 4. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 16.04.2024 № 484 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404170020> (дата обращения: 28.09.2026).
 5. Бурганов Р. Теория несостоятельности (банкротства): термины, трактовка, сущность / Р. Бурганов // Проблемы теории и практики управления. — 2009. — № 12. — С. 112–118.
 6. Курчашов В. В. Понятие и сущность финансовой безопасности организации / В. В. Курчашов, О. С. Терешкина // Вестник науки. — 2024. — № 4 (73). — Т. 3. — С. 41–46.
 7. Мухаррамова Э. Р. Классификация факторов экономического состояния предприятий строительной отрасли / Э. Р. Мухаррамова // Российское предпринимательство. — 2014. — № 17 (263). — С. 60–69.
 8. Грабовский Я. А. Особенности государственной поддержки промышленных предприятий в условиях санкционного давления / Я. А. Грабовский // Вестник университета. — 2024. — № 1. — С. 61–71.

МЕНЕДЖМЕНТ

Холдинговое финансово-производственное управление: предложения по повышению эффективности (на примере металлургической отрасли)

Осадчий Сергей Сергеевич, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

На сегодняшний день крупные холдинги играют немаловажную роль в развитии экономического, производственного, социального и конкурентного потенциала России. Эффективность управления предприятием вторичного сектора экономики зависит от учета системы факторов, позволяющих компании эффективно функционировать не только на региональном уровне, но и на международно-политической арене, расширять рынки сбыта, повышая свой вклад в экономику страны.

Ключевые слова: холдинг, металлургия, управление финансово-хозяйственной деятельностью, финансово-производственное управление, повышение эффективности управления предприятием.

Финансово-производственное управление направлено на достижение единой цели — обеспечение условий для стабильного развития бизнеса, рационального распределения доходов и оптимизации расходов, что позволяет снизить риски, в том числе риск потери прибыли.

С опорой на нормативно-правовые документы, формирующие стратегическую направленность и развитие промышленности, в частности металлургической, на территории России [1; 2], была выявлена потребность в более детальном аналитическом подходе к систематизации внешних и внутренних факторов, оказывающих непосредственное влияние на эффективность экономической и производственной деятельности холдингов.

Объектом нашего исследования являются металлургические холдинги, функционирующие на территории Российской Федерации.

Факторы, оказывающие непосредственное влияние на финансово-производственную деятельность холдингов, представлены на рисунке 1.

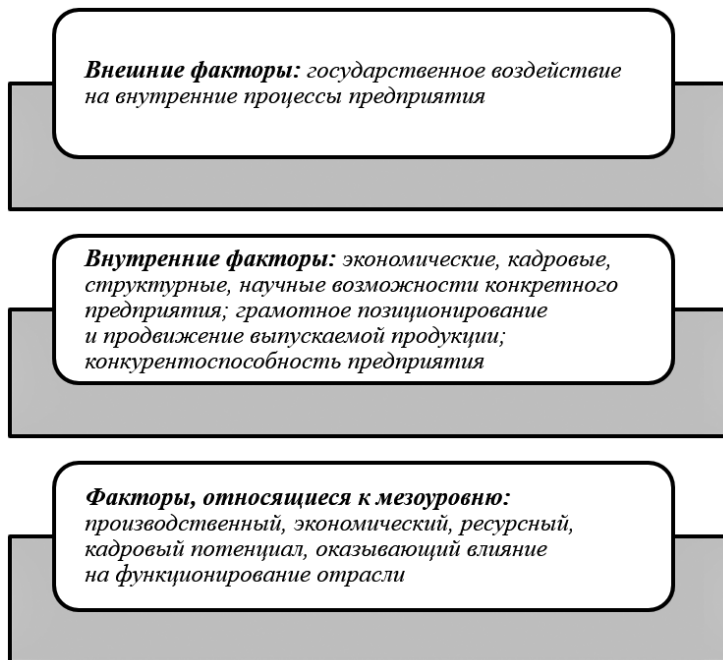

Рис. 1. Факторы, оказывающие влияние на деятельность холдингов

На деятельность холдингов воздействуют факторы, относящиеся к макро-, микро- и мезоуровню, что определяет четкую последовательность при их оценке и анализе, включая выявление узких мест, приводящих к потере прибыли и снижению эффективности работы предприятия.

Следует отметить, что результаты производственного процесса зависят от всего цикла взаимодействия подразделений холдинга и распределения между ними функционально-организационных управленческих обязанностей. Финансово-производственное управление неразрывно связано с технологическим, промышленно-производственным, инновационным и организационным процессами.

На рисунке 2 представлен комплекс факторов, воздействующих на производственную структуру холдинга в условиях конкуренции.

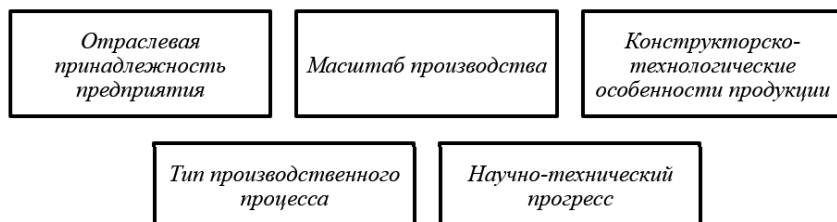

Рис. 2. Комплекс факторов, воздействующих на производственную структуру холдинга

Рисунок 2 показывает, что специфика холдинга и его производственная значимость выявляют направленность тех факторов, которые могут оказать влияние на производственный процесс в целом.

Проанализируем финансово-производственную деятельность предприятий металлургической отрасли, оценим основные экономические показатели и конкурентоспособность. Представленные ниже таблицы составлены автором на основе статистических данных из официальных источников, а также годовой финансовой отчётности выбранных для анализа предприятий (таблицы 1–5).

Таблица 1. Объем выручки рассматриваемых промышленных предприятий в отрасли металлургии на территории Российской Федерации за 2020–2025 гг., млн руб.

Название предприятия	Выручка, млн руб.					
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
ПАО «НЛМК»	536 125	601 256	662 192	698 897	737 513	606 483
ПАО «ММК»	400 237	785 977	578 026	664 530	655 277	511 416
ПАО «ЧМК»	114 542	176 848	168 257	162 129	172 852	143 742
ПАО «Ашинский метзавод»	24 445	39 810	42 449	46 320	37 104	27 006
АО «ТАГМЕТ»	41 118	56 041	61 522	68 280	63 176	72 541

Лидером по объему выручки за исследуемый период стало ПАО «НЛМК»; прирост (результаты 2025 г. по сравнению с результатами 2020 г.) составил 70 358 млн руб. Рост выручки связан с увеличением объема госзаказа. На втором месте ПАО «ММК»: объем выручки предприятия с 2020 по 2025 г. увеличился на 111 179 млн руб. Третье место занимает ПАО «ЧМК»: объем выручки вырос на 29 200 млн руб. ПАО «Ашинский метзавод» показало прирост в 2561 млн руб.; у АО «ТАГМЕТ» он составил 31 426 млн руб.

Таблица 2. Чистая прибыль рассматриваемых промышленных предприятий в отрасли металлургии на территории Российской Федерации за 2020–2025 гг., в тыс. руб.

Название предприятия	Чистая прибыль, в тыс. руб.					
	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	2025 год
ПАО «НЛМК»	154 265	168 952	191 789	221 479	52 365	86 664
ПАО «ММК»	51 507	220 947	48 311	114 197	91 147	21 058
ПАО «ЧМК»	–505	8897	14 623	1621	–6708	–19 427
ПАО «Ашинский метзавод»	84	7429	10 721	9605	13 939	–1403
АО «ТАГМЕТ»	–272	–769	–4504	134	–4817	–2154

За исследуемый период ни одно из рассмотренных предприятий не продемонстрировало прироста чистой прибыли: у ПАО «НЛМК» она сократилась на 43,83%, у ПАО «ММК» — на 59,12%, у ПАО «ЧМК» — на 37,6%, у ПАО «Ашинский метзавод» — на 42,8%, у АО «ТАГМЕТ» — на 691,9%.

Таблица 3. Оборотные активы рассматриваемых промышленных предприятий в отрасли металлургии на территории Российской Федерации за 2020–2025 гг., в млн руб.

Название предприятия	Оборотные активы, в млн руб.					
	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	2025 год
ПАО «НЛМК»	198 236	263 000	393 734	509 954	323 527	308 811
ПАО «ММК»	174 777	248 694	259 347	344 327	292 476	270 190
ПАО «ЧМК»	63 961	136 726	151 571	58 384	92 787	112 436
ПАО «Ашинский метзавод»	9668	18 318	29 163	42 372	28 667	18 435
АО «ТАГМЕТ»	20 498	27 866	23 835	29 718	29 131	32 258

Данные в отношении оборотных активов за исследуемый период таковы: у ПАО «НЛМК» прирост составил 180 575 млн руб., у ПАО «ММК» — 95 413 млн руб., у ПАО «ЧМК» — 48 475 млн руб., у ПАО «Ашинский метзавод» — 8767 млн руб., у АО «ТАГМЕТ» — 11 760 млн руб. Это говорит о том, что экономическая и производственная деятельность холдингов находится в стадии стабильного развития.

Таблица 4. Краткосрочные обязательства рассматриваемых промышленных предприятий в отрасли металлургии на территории Российской Федерации за 2020–2025 гг., в млн руб.

Название предприятия	Краткосрочные обязательства, в млн руб.					
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
ПАО «НЛМК»	144 502	266 364	282 211	210 304	145 203	152 201
ПАО «ММК»	123 026	154 696	141 598	198 613	145 150	121 648
ПАО «ЧМК»	64 641	62 683	64 534	64 291	206 504	229 764
ПАО «Ашинский метзавод»	4774	6773	8391	12 070	26 674	18 042
АО «ТАГМЕТ»	35 732	33 242	41 773	49 295	53 508	62 158

Прирост в отношении краткосрочных обязательств за исследуемый период таков: у ПАО «НЛМК» он составил 7699 млн руб., ПАО «ЧМК» — 165 123 млн руб., у ПАО «Ашинский метзавод» — 13 268 млн руб., у АО «ТАГМЕТ» — 26 423 млн руб. У ПАО «ММК» динамика отрицательная: прирост сократился на 1378 млн руб. Это говорит о том, что холдинги используют долгосрочные и краткосрочные займы и кредиты; также следует учесть, что к таким показателям привела стоимостная позиция роста цен на товары и услуги.

Таблица 5. Ранжированный уровень конкурентоспособности (К) рассматриваемых компаний в 2020–2025 гг. [рассчитано автором]

Название предприятия	Уровень конкурентоспособности (К)						ΣК	Место
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.		
ПАО «НЛМК»	0,9856	0,9250	0,9237	0,8951	0,9033	н/д	н/д	н/д
ПАО «ММК»	0,9824	1,0000	0,9453	0,9883	1,0000	0,7861	5,7020	1
ПАО «ЧМК»	0,5183	0,7166	0,8080	0,5685	0,4103	0,3218	3,3436	3
ПАО «Ашинский метзавод»	0,6781	1,0000	0,9093	0,8489	0,7879	0,4712	4,6954	2
АО «ТАГМЕТ»	0,4608	0,5196	0,4601	0,4739	0,4543	н/д	н/д	н/д

Первое место заняло ПАО «ММК». Следует отметить: конкурентные позиции указывают на то, что в целом металлургическая отрасль страны развивается планомерно. Рост прибыли холдингов создает возможности для улучшения региональных показателей и инфраструктуры регионов.

На рисунке 3 представлена оценка конкурентоспособности рассматриваемых предприятий.

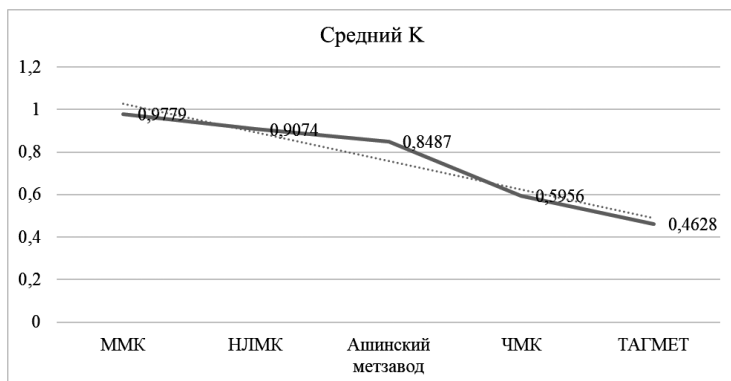

Рис. 3. Оценка конкурентоспособности

Заключение

На основании выявленных факторов, оказывающих влияние на финансово-производственные процессы холдинга, оценку его деятельности в случае снижения эффективности управления необходимо проводить с использованием количественных и качественных показателей для обоснования прогнозного решения. Систематический анализ, направленный на выявление узких мест, обеспечивает возможность стратегического подхода в решении сложных экономических задач.

Управление современным холдингом требует инновационных подходов и роботизации производственного процесса, что позволит улучшить результаты производственной деятельности и повысить прибыль.

На рисунке 4 предложены подходы к управлению холдингом.

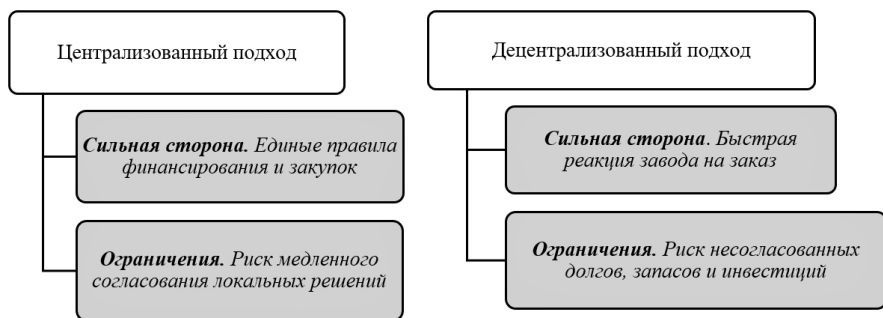

Рис. 4. Подходы к управлению холдингом

Предложения по повышению эффективности управления холдингом:

- Разделить производственный результат и доходы от участия в других организациях.
- Инвестиционные проекты следует сравнивать по дополнительному денежному потоку и влиянию на узкие места.
- Отдельно проверить внутригрупповые расчеты, взыскиваемость дебиторской задолженности и прибыльность производственной программы.
- Собственникам следует проверять, как капитальные затраты и выплаты влияют на минимальный денежный остаток.

Литература:

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: утверждена указом Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Информационно-справочная система «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения: 12.08.2025).
2. Реализация концепции производственного планирования на основе эффективного использования ограничений / Г. С. Сеничев, В. И. Шмаков, И. В. Виер и др. — М.: Экономика, 2006. — 210 с.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Отличие интернет-преступлений от традиционных форм преступлений сексуального характера

Баранчук Влада Анатольевна, студент

Научный руководитель: Моисеева Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

Уголовно-правовая доктрина традиционно рассматривает преступления против половой свободы и половой неприкосновенности через призму физического контакта между виновным и потерпевшим. Однако стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий породило феномен, требующий принципиально иного подхода к квалификации деяний сексуальной направленности: перенос значительной части общественно опасного поведения в виртуальное пространство. В статье обосновывается тезис о том, что интернет-преступления сексуального характера представляют собой не техническую модификацию традиционных составов, а самостоятельную криминальную форму, порождённую цифровой средой. Признание её специфики при сохранении единства с традиционной теорией состава преступления образует новый путь уголовно-правового реагирования.

Ключевые слова: половая свобода, половая неприкосновенность, интернет-преступления, виртуальное пространство, кибергroomинг.

Цифровизация общественных отношений поставила перед уголовным правом задачу, выходящую за пределы простого расширения перечня запрещённых деяний. Речь идёт о необходимости переосмысления базовых конструкций составов преступлений. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности представляют собой особо показательный случай такой необходимости, поскольку уголовно-правовая доктрина выстраивала их конструкцию вокруг непосредственного физического контакта как признака объективной стороны. Однако, следует отметить, что простая криминализация

«новых» составов преступлений, детерминированных цифровым пространством, не решит проблему, а напротив усугубит ситуацию, создав тем самым правовой нигилизм.

Изнасилование (статья 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее УК)) определяется через «половое сношение вопреки воле потерпевшей», насильственные действия сексуального характера (статья 167 УК) — через мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера. В учебной литературе отмечается, что «с объективной стороны изнасилование выражается в совершении полового сношения мужчины с женщиной вопреки воле потерпевшей, т.е. естественного физиологического гетеросексуального полового акта, совершаемого путем введения мужского полового члена в преддверие влагалища или во влагалище лица женского пола» [1, с. 316]. Логическим продолжением данного положения выступает утверждением о том, что «другие, кроме полового акта, действия, направленные на удовлетворение половой потребности лица мужского пола против или помимо воли потерпевшей с применением насилия или угрозой его применения либо с использованием ее беспомощного состояния, квалифицируются как насильственные действия сексуального характера (статья 167 УК)» [1, с. 316].

Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 года № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы» последовательно развивает эту логику. Разъяснения Пленума ориентированы на ситуации, предполагающие физический контакт: применение насилия или угрозу его применения к потерпевшей либо к близким ей лицам, использование беспомощного состояния, выражающегося в неспособности понимать характер и значение совершаемых действий или оказывать сопротивление [2].

Принципиально важным для понимания трансформации сексуальных посягательств в цифровую эпоху является состав развратных действий (статья 169 УК). «Объективная сторона выражается в действиях развращающего характера, направленных на возбуждение интереса к сексуальной стороне жизни, формирование полового влечения, не связанных с применением физического либо психического насилия, а также не являющихся половым сношением или иными действиями сексуального характера. Развратные действия могут носить как физический (например, эксгибиционистские действия), так и информационный характер (например, демонстрация порнографических материалов)» [1, с. 321].

«Развратными действиями могут признаваться, например, непристойные прикосновения, поглаживания тела потерпевшего, ведение переписки, бесед

на темы развращающего характера, ознакомление с материалами порнографического содержания, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи, совершение в присутствии потерпевшего полового сношения, других действий сексуального характера». [2]. Таким образом, законодатель и правоприменительная практика уже признают, что развращающее воздействие может осуществляться дистанционное, без физического контакта, посредством информационного обмена.

Это положение демонстрирует, что белорусская уголовно-правовая доктрина не является полностью замкнутой на физическом контакте. Напротив, она признаёт возможность совершения сексуального посягательства путем информационного воздействия. Однако диспозиция статьи 169 УК сконструирована таким образом, что субъектом преступления выступает вменяемое лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, а потерпевшим — лицо, заведомо не достигшее шестнадцатилетнего возраста. Это означает, что развратные действия в отношении совершеннолетних лиц не образуют состава преступления, предусмотренного статьей 169 УК, даже если они совершаются в виртуальном пространстве и причиняют существенный вред психическому здоровью потерпевшего.

Ситуация принципиально меняется, когда действия сексуального характера совершаются посредством информационно-коммуникационных технологий. Передача изображений интимного характера, ведение переписки сексуального содержания с несовершеннолетним, принуждение демонстрации обнажённого тела через видеосвязь — все эти деяния обладают несомненной общественной опасностью, но их объективная сторона не вписывается в «традиционные» конструкции статей 166–170 УК.

Объективная сторона всех характеризуемых преступлений предполагает совершение активных действий сексуального характера либо действий, связанных с возбуждением или удовлетворением полового инстинкта лиц, не являющихся субъектом преступления [1, с. 313]. Однако в виртуальном пространстве виновный воздействует не на тело потерпевшего, а на его сознание и волю посредством информационных сигналов. «Действия сексуального характера как обязательный признак составов половых преступлений могут иметь как физический, так и интеллектуальный характер» [1, с. 314]. Именно интеллектуальный характер воздействия становится доминирующим в онлайн-среде. При этом объективная сторона одних составов преступлений имеет только физический характер этих действий (изнасилование (статья 166 УК), насильственные действия сексуального характера (статья 167 УК), половое сношение

и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (статья 168 УК), использование занятия проституцией или создание условий для занятия проституцией (статья 171 УК), вовлечение в занятие проституцией с применением насилия (часть 2 статьи 171–1 УК)), других наоборот только интеллектуальным характером (понууждение к действиям сексуального характера (статья 170), вовлечение в занятие проституцией без применения насилия (статья 171–1 УК)), а третьих — как физическим, так и интеллектуальным характером их совершения (развратные действия (статья 169 УК)). Это разграничение имеет принципиальное значение для квалификации виртуальных посягательств.

Особую озабоченность вызывает феномен «кибергруминга» — установления доверительных отношений с несовершеннолетним с целью последующей сексуальной эксплуатации. Взрослый может месяцами вести с ребёнком переписку на нейтральные темы, постепенно смещая фокус общения в сексуальную плоскость, используя особенности подростковой психологии: потребность в принятии, любопытство, стремление к взрослению. Такое воздействие не является насилием в традиционном понимании, но по своей эффективности может превосходить физическое принуждение. Хотя мотив и цель относятся к факультативным признакам субъективной стороны преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, их точное выявление нередко играют решающую роль для верной квалификации деяния и его отграничения от смежных составов преступлений. Это положение приобретает особую значимость при квалификации кибергруминга, где мотив виновного (сексуальное удовлетворение) может быть неочевиден из самого деяния.

Особого внимания заслуживает состав понуждения к действиям сексуального характера (статья 170 УК), который в силу своей конструкции может применяться к виртуальным посягательствам как в отношении несовершеннолетних, так и в отношении совершеннолетних потерпевших. Пункт 21 Постановления Пленума № 7 разъясняет: «В отличие от преступлений, предусмотренных статьями 166 и 167 УК, при понуждении к действиям сексуального характера (статья 170 УК) способами воздействия на потерпевшего с целью получения от него вынужденного согласия на половое сношение, совершение других действий сексуального характера являются шантаж, угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо использование служебной, материальной или иной зависимости потерпевшего, не связанные с применением насилия или угрозой его применения, использованием беспомощного состояния потерпевшего» [2].

Принципиально важным является разъяснение о моменте окончания данного преступления: «Понуждение к действиям сексуального характера признается оконченным преступлением момента предъявления потерпевшему соответствующего требования в любой форме (устной, письменной и другой) независимо от согласия или отказа потерпевшего совершить такие действия либо их реального осуществления» [2]. Это означает, что само по себе направление потерпевшему требования сексуального характера посредством сети Интернет образует оконченный состав преступления, независимо от того, было ли это требование выполнено. Также указывается: «Не может признаваться понуждением к действиям сексуального характера одно лишь предложение зависимому лицу вступить в половое сношение, совершить другие действия сексуального характера, а равно обещание улучшить материальное или служебное положение» [2]. Это разграничение имеет значение для отграничения преступного понуждения от правомерного предложения сексуального характера, в том числе в виртуальном пространстве.

Значительно более сложной и менее урегулированной представляется ситуация с виртуальными сексуальными посягательствами в отношении совершеннолетних потерпевших. Если несовершеннолетние защищены от информационного развращающего воздействия посредством статьи 169 УК, то совершеннолетние лица такой защиты лишены. Между тем информационное воздействие сексуального характера способно причинить существенный вред психическому здоровью и достоинству совершеннолетнего лица, особенно в случаях, когда оно сопряжено с элементами принуждения, шантажа или злоупотребления доверием.

Рассмотрим несколько типичных сценариев. Первый: виновный путём обмана или злоупотребления доверием получает от совершеннолетнего потерпевшего интимные изображения, после чего использует их для шантажа с целью принуждения к совершению действий сексуального характера. В данном случае налицо посягательство на половую свободу совершеннолетнего лица, однако квалификация содеянного по статьям 166 или 167 УК представляется проблематичной, поскольку отсутствует физический контакт, а само действие сексуального характера совершается потерпевшим самостоятельно под воздействием угрозы распространения компрометирующих сведений. Вместе с тем, при наличии признаков шантажа, содеянное может быть квалифицировано по совокупности преступлений, включая статью 170 УК (понуждение к действиям сексуального характера) и соответствующую статью о вымогательстве.

Второй сценарий: виновный ведёт переписку сексуального содержания с совершеннолетним лицом, не желающим такого общения, настойчиво направляет ему материалы порнографического характера, совершает в его присутствии (посредством видеосвязи) действия сексуального характера. Формально такие действия могут быть квалифицированы как хулиганство (статья 339 УК) или принуждение (статья 185 УК), однако эти составы не отражают специфику сексуального посягательства и не обеспечивают уголовно-правовой охраны половой свободы совершеннолетнего лица.

«Признаки непосредственного объекта преступления коррелируют с признаками потерпевшего. В случае когда потерпевший от преступления физически и психически здоровое лицо, достигшее половой зрелости (такого уровня умственного развития, при котором оно способно понимать значение действий сексуального характера и управлять половым влечением), объектом уголовно-правовой охраны выступает его половая свобода; когда лицо не имеет свободы выбора полового партнера либо формы и вида сексуальных взаимоотношений и средств сексуального удовлетворения — половая неприкосновенность такого лица» [1, с. 312–313]. В отношении совершеннолетних потерпевших объектом уголовно-правовой охраны выступает половая свобода, которая предполагает свободу самоопределения в сфере сексуальных отношений. Виртуальные посягательства на половую свободу совершеннолетних могут выражаться в принуждении к сексуальному общению, навязывании сексуального контента, киберпреследовании сексуального характера, шантаже с целью получения интимных изображений или принуждения к сексуальным действиям. Однако действующее уголовное законодательство Республики Беларусь не содержит специальных норм, предусматривающих ответственность за такие деяния.

Традиционные составы половых преступлений признаются оконченными с момента начала физического действия сексуального характера. «Состав изнасилования формальный. Изнасилование признается оконченным с момента начала совершения полового акта независимо от его завершения в физиологическом смысле» [1, с. 317]. Аналогично, при насильственных действиях сексуального характера преступление считается оконченным с момента начала совершения действий сексуального характера.

В виртуальном пространстве момент окончания преступления размывается. Если виновный получает от совершеннолетнего потерпевшего изображение интимного характера под воздействием обмана или шантажа, следует ли считать преступление оконченным в момент получения файла, в момент его сохранения

или в момент последующего использования? Более сложным представляется случай, когда виновный склоняет совершеннолетнего потерпевшего к совершению действий сексуального характера во время видеотрансляции, не записывая её. С одной стороны, явное воздействие на половую свободу потерпевшего. С другой отсутствует материальный носитель, отсутствует физический контакт, а само действие совершается самим потерпевшим под психологическим воздействием виновного.

Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (статья 168 УК) характеризуются тем, что «объективная сторона характеризуется совершением ненасильственных и без использования беспомощного состояния потерпевшего действий сексуального характера, при отсутствии признаков изнасилования и насильственных действий сексуального характера» [1, с. 320]. Однако диспозиция этой нормы предполагает совершение действий сексуального характера самим виновным, что не охватывает ситуации, когда потерпевший совершает такие действия самостоятельно под воздействием виновного.

В традиционной доктрине способ совершения половых преступлений сводится к физическому насилию, угрозе его применения или использованию беспомощного состояния. «Насилие или угроза его применения как признаки объективной стороны изнасилования осуществляются обвиняемым в качестве средства (способа) преодоления либо исключения сопротивления потерпевшей для совершения полового сношения, преследуют цель подавления воли потерпевшей и применяются непосредственно перед совершением полового акта» [1, с. 317].

Виртуальные посягательства демонстрируют принципиально иной механизм: виновный использует доверие, авторитет, материальную зависимость или психологическую уязвимость потерпевшего, не прибегая к физическому насилию. Психическое отношение виновного к причинению легких телесных повреждений либо менее тяжких телесных повреждений при совершении насильственных половых посягательств может выражаться как в форме прямого, так и косвенного умысла. Однако в виртуальном пространстве вред здоровью может вообще не причиняться, а воздействие направлено исключительно на психику потерпевшего.

Применительно к совершеннолетним потерпевшим особую значимость приобретает проблема разграничения правомерного сексуального общения и противоправного посягательства. Если совершеннолетнее лицо добровольно вступает в переписку сексуального характера, обменивается интимными изо-

бражениями, участвует в видеотрансляциях сексуального содержания, состав преступления отсутствует. Однако если такое общение навязывается вопреки воле потерпевшего, сопровождается угрозами, шантажом или злоупотреблением зависимостью, соответственно нет сомнений, что это посягательство на половую свободу.

Традиционное половое преступление локализовано в пространстве и времени: оно совершается в конкретном месте, в конкретный момент. «Деяние – это конкретный акт поведения человека, ограниченный пространственно-временными рамками» [1, с. 7]. Виртуальные посягательства лишены этой определённости. Виновный может находиться в другой стране, использовать серверы, расположенные в-третьих юрисдикциях, а само взаимодействие может быть растянуто во времени на недели и месяцы.

Это создаёт серьёзные проблемы для правоприменения. Возникает вопрос о территориальной подсудности: какое государство обладает юрисдикцией для расследования преступления, если виновный находится в Беларуси, потерпевший в России, а сервер, через который осуществлялась коммуникация, расположен в Нидерландах?

Время совершения деяния может быть предусмотрено уголовным законом в качестве как обязательного элемента основного, так и признака квалифицированного состава преступления. Однако в виртуальном пространстве определение времени совершения преступления становится всё более сложной задачей. Особенно остро эта проблема стоит применительно к длящимся посягательствам, когда виновный на протяжении длительного времени осуществляет психологическое воздействие на потерпевшего, чередуя периоды активного давления с периодами затишья.

Традиционные половые преступления предполагают прямой умысел: виновный сознаёт общественно опасный характер своих действий и желает их совершить. Например, с субъективной стороны изнасилование характеризуется наличием прямого умысла: виновный сознает, что совершает половое сношение против или помимо воли потерпевшей, применяя физическое насилие к ней либо близким ей лицам или угрозу немедленного применения такого насилия либо заведомо используя беспомощное состояние потерпевшей, и желает действовать таким образом» [1, с. 317].

В виртуальном пространстве установление умысла существенно осложняется. Если взрослый ведёт переписку с несовершеннолетним, не зная его точного возраста, можно ли говорить о заведомости?

Применительно к совершеннолетним потерпевшим проблема установления умысла приобретает иной характер. Виновный может утверждать, что не осознавал противоправности своих действий, полагая, что потерпевший добровольно участвует в сексуальном общении. В таких случаях решающее значение приобретает анализ всей переписки, установление контекста общения, оценка реакции потерпевшего на действия виновного. Существенно возрастает роль судебно-психологической экспертизы, которая должна ответить на вопрос о том, осознавал ли потерпевший характер и значение совершаемых в отношении него действий, имела ли у него реальная возможность отказаться от нежелательного общения.

Признаки субъекта преступлений зависят от конкретного состава преступления. Так, «субъектом изнасилования (статья 166 УК) и насильственных действий сексуального характера (статья 167 УК) является вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста; полового сношения или иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (статья 168 УК), и развратных действий (статья 169 УК) вменяемое лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста» [1, с. 315]. В виртуальном пространстве проблемы специального субъекта приобретают новое звучание.

При совершении виртуальных посягательств вопрос о соучастии также приобретает специфические черты. В виртуальном пространстве пособничество может выражаться в предоставлении технических средств, создании платформ для обмена контентом, распространении ссылок на материалы порнографического содержания, что требует дополнительного осмысления.

Пункт 20 Постановления Пленума № 7 устанавливает важные правила квалификации развратных действий в совокупности с иными преступлениями: «В случаях, когда совершение развратных действий сопровождалось распространением, рекламированием, трансляцией или демонстрацией, в том числе посредством глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи, порнографических материалов или предметов порнографического характера потерпевшему, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 169 УК и частью 2 статьи 343 УК» [2]. Далее идет разъяснение: «Если обвиняемым при совершении развратных действий изготавливаются материалы порнографического содержания с изображением потерпевшего с целью их распространения либо потерпевший склоняется к самостоятельному изготовлению и (или) распространению материалов порнографического содержания со своим изображе-

нием, действия обвиняемого квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями статей 169 и 343–1 УК» [2].

Эти разъяснения имеют прямое отношение виртуальным посягательствам, поскольку в онлайн-среде развратные действия часто сопровождаются изготовлением и распространением порнографических материалов с изображением потерпевшего. Более того, они демонстрируют, что законодатель осознаёт повышенную общественную опасность таких деяний и предусматривает их квалификацию по совокупности преступлений.

Виртуальные сексуальные посягательства представляют собой не просто техническую модификацию традиционных половых преступлений, а качественно новое явление, требующее переосмысления ряда устоявшихся уголовно-правовых категорий. Особую актуальность деяния приобретают в контексте виртуальных посягательств, где психологическое воздействие может быть направлено на широкий круг лиц.

Ключевые отличия виртуальных сексуальных посягательств от традиционных форм — отсутствие физического контакта, использование психологического воздействия вместо физического насилия, размытость пространственно-временных границ, сложность установления момента окончания преступления и доказывания субъективной стороны — создают серьёзные вызовы для действующего уголовного законодательства.

Белорусский законодатель предпринял определённые шаги в направлении криминализации наиболее опасных форм онлайн-посягательств, однако существующие нормы не охватывают всего многообразия виртуальных сексуальных злоупотреблений. Представляется необходимым дальнейшее совершенствование главы 20 УК с учётом специфики информационного взаимодействия, включая возможную криминализацию кибергруминга, уточнение признаков объективной стороны преступлений, совершаемых использованием информационно-коммуникационных технологий, и разработку специальных правил определения места совершения таких деяний. «Уголовное законодательство Республики Беларусь обеспечивает особый специализированный подход к осуществлению правосудия по уголовным делам в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет» [1, с. 236], что должно найти отражение и в нормах о виртуальных сексуальных посягательствах в отношении несовершеннолетних. Одновременно требует решения вопрос об уголовно-правовой охране половой свободы совершеннолетних лиц от виртуальных сексуальных посягательств, которые в настоящее время остаются вне сферы специального уголовно-правового регулирования.

Интернет-преступление сексуального характера — это не старое преступление, просто совершённое через интернет, а новое явление, которое возникло вместе с цифровой средой и требует отдельного осмысления. Но при этом оно не настолько чужеродно, чтобы полностью отрывать его от традиционного учения о преступлениях сексуального характера.

Литература:

1. Уголовное право: учеб. пособие / А. В. Барков [и др.]; под ред. А. Л. Савенка, А. В. Шидловского, К. С. Захилько. — Минск: БГУ, 2023. — 607 с. — (Совершенствование магистерской программы по уголовной юстиции).
2. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. ст. 166–170 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 27 сентября 2012 г. № 7// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: от 9 июля 1999 г. № 275-З: (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.) // ЭТАЛОН-ONLINE. — URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900275> (дата обращения: 26.09.2026).

Допустимость электронных доказательств в гражданском и административном судопроизводстве

Воловик Татьяна Валерьевна, студент магистратуры

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Краснодар)

В статье анализируется правовая природа и процедура аутентификации электронных доказательств в российском гражданском и административном судопроизводстве. Автор исследует специфику цифровой информации, ее нематериальный характер и проблемы идентификации авторства. Рассматривается действующее законодательство и практика Верховного Суда РФ по разграничению электронных документов и их образов. Интерес уделен уязвимости скриншотов перед фальсификацией и отсутствию стандартов

фиксации метаданных. В работе предлагаются изменения в законодательство для совершенствования критериев допустимости интернет-материалов. Итог исследования обосновывает уместность установления технических регламентов для обеспечения достоверности цифровых следов в суде.

Ключевые слова: электронные доказательства, аутентификация, судопроизводство, скриншот, метаданные, верификация, цифровизация.

Понятие электронных доказательств в обширном смысле охватывает любые сведения о фактах, имеющих значение для дела, зафиксированные в цифровой, машинно-читаемой форме и воспроизводятся с помощью технических средств.

В отличие от традиционных носителей, электронная информация характеризуется нематериальной природой, она существует в виде бинарного кода, отделена от физического носителя и обладает свойством легкой тиражируемости без потери качества. Главной особенностью таких доказательств является их виртуальный характер, охватывающий данные из социальных сетей, электронную переписку, логи серверов, блокчейн-транзакции и сведения с видеорегистраторов. Главная проблема в их понимании сводится к идентификации автора и обеспечению неизменности содержания на этапе от момента создания до представления в суд [5, с. 9].

Таким образом, электронные доказательства — совокупность метаданных и содержательной информации, требующая специальных процедур фиксации (нотариальный осмотр или использование хеш-функций для верификации) [6, с. 367].

В российском гражданском и административном судопроизводстве электронные доказательства не выделены в отдельный самостоятельный вид, а интегрированы в категорию письменных и иных материалов.

Согласно статье 71 ГПК РФ [1] и статье 70 КАС РФ [2], письменными доказательствами признаются материалы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи либо иным способом, позволяющим установить достоверность документа. В административном процессе критерии конкретизируются статьей 59 КАС РФ, допускающей использование аудио- и видеозаписей, материалов на иных носителях. Судебная практика, опираясь на Постановление Пленума ВС РФ № 57 от 2016 года [3], уточняет порядок представления электронных образов документов через систему «Мой арбитр» или ГАС «Правосудие».

В гражданском процессе, согласно части 1 статьи 71 ГПК РФ, такие документы приравниваются к письменным доказательствам, если они получены способом, позволяющим установить достоверность их происхождения. Особый статус имеют документы, подписанные электронной подписью. Здесь выделяются документы с простой, усиленной неквалифицированной и квалифицированной подписью, причем последняя признается равнозначной документу на бумажном носителе с собственноручной подписью.

В административном процессе аналогичные требования закреплены в статье 70 КАС РФ, где подчеркивается уместность подтверждения аутентичности электронного образа документа, направляемого в суд через автоматизированные системы. Принципиальным элементом является разграничение «электронного документа» как изначально цифрового объекта и «электронного образа документа», являющегося сканированной копией бумажного оригинала, что прямо разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57. Разграничение определяет порядок их оценки судом на предмет подлинности и полноты содержания при разрешении споров.

Процессуальный порядок аутентификации электронных доказательств в гражданском и административном судопроизводстве основывается на применении норм процессуального права и технических регламентов, закрепленных в Инструкциях Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Согласно статье 71 ГПК РФ и статье 75 КАС РФ, электронные документы признаются письменными доказательствами, если они получены способом, позволяющим установить достоверность их происхождения. Процесс начинается с этапа представления доказательства в суд. Документы, подаваемые в электронном виде через систему «Правосудие», должны проходить автоматизированную проверку на наличие вирусных угроз и соответствие форматов.

Аутентификация далее заключается в проверке судом того, что файл направлен именно из личного кабинета идентифицированного пользователя [7, с. 467]. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 26.12.2017 № 57 подчеркивает, что несоблюдение требований Инструкции по оформлению электронного образа документа влечет его возвращение, поскольку суд не может удостовериться в подлинности источника.

Проблематика допустимости электронных доказательств в рамках гражданского и административного судопроизводства на современном этапе развития правовой системы России характеризуется отсутствием единообразной доктринальной трактовки и фрагментарностью законодательного регулирования.

В рамках текущей правоприменительной практики допускается использование распечаток интернет-страниц, заверенных самими участниками дела. Но данная норма создает серьезную проблему: скриншот как статичное изображение крайне уязвим для фальсификации с использованием программного обеспечения для редактирования графики. Примитивного указания адреса страницы и времени съемки недостаточно для того, чтобы в случае спора подтвердить аутентичность кода страницы и отсутствие подмены контента на уровне протоколов передачи данных.

Отсутствие обязательных требований к фиксации технических параметров (метаданных, хеш-сумм, сведений о провайдере) превращает процесс доказывания в «конкурс» визуальных материалов, подлинность которых суд не проверит без дорогостоящей экспертизы, затягивая процесс. Данная неопределенность подрывает доверие к доказательственной базе.

Путь решения этой проблемы заключается в установлении локализованных стандартов фиксации электронной информации в руководящем акте высшей судебной инстанции для обеспечения единообразия.

Для решения этой проблемы, целесообразно внести изменения в абзац второй пункта 55 Постановления Пленума Верховного Суда от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], изложив его в следующей редакции: «Допустимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), при условии указания адреса интернет-страницы, точного времени ее получения, предоставления суду технической информации о методе фиксации, позволяющей верифицировать неизменность отображенных данных. В случае заявления другой стороной о подложности такой распечатки, суд вправе потребовать представления электронного файла скриншота, содержащего неизменные метаданные, либо обеспечения доступа к ресурсу в режиме реального времени. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами (статья 67 ГПК РФ, статья 71 АПК РФ)».

Предлагаемая мера реализует возможность судам отсеивать сомнительные материалы на ранних стадиях и стимулировать стороны к качественному сбору цифровых доказательств.

Таким образом, электронные доказательства в современном гражданском и административном судопроизводстве трансформировались из факультативного источника сведений в базовый элемент доказательственной деятельности

сти. Разнообразная классификация — от электронных документов и переписки до аудиовизуальных материалов и данных ГИС — отражает глубину цифровизации общественных отношений. Специфика их применения обусловлена уместностью предметной верификации источника происхождения и обеспечения неизменности информации. Судебная практика, направляемая постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, постепенно вырабатывает унифицированные стандарты работы с цифровыми следами, признавая их равнозначность традиционным письменным доказательствам при условии подтверждения их аутентичности. Законодательное закрепление процедур фиксации интернет-контента и расширение возможностей использования электронных подписей укрепляют правовую определенность.

Отсутствие критериев верификации скриншотов как визуальных образов диктует уместность изменения пункта 55 Постановления Пленума ВС РФ № 10 для закрепления требований к указанию метаданных, технических методов фиксации и возможности предоставления доступа к ресурсу в режиме реального времени.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 11.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.
3. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 4. — 2018.
4. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 7. — 2019.
5. Подшивалова, О. Ю. Виды доказательств и их источники / О. Ю. Подшивалова // Студенческий. — 2025. — № 20–15 (316). — С. 9–18.
6. Салиев, А. Р. Электронные доказательства в гражданском и административном процессах: актуальность и возможность внедрения

- в законодательство Кыргызской Республики / А. Р. Салиев // Alatau Academic Studies. — 2022. — № 4. — С. 367–374.
7. Суровцева, Н. Г. Аутентичность и идентичность электронного документа / Н. Г. Суровцева // Вестник архивиста. — 2020. — № 2. — С. 467–477.

Брачный договор как разновидность договора в семейном праве: проблемы теории и правоприменения

Лужаева Эльмира Рамильевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Бородина Жанна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Работа посвящена исследованию вопроса правового регулирования и практики применения брачного договора в Российской Федерации. Особое внимание уделяется пределам договорной свободы супругов, в том числе критерию крайне неблагоприятного положения одного из них, а также вопросам защиты имущественных интересов супругов, несовершеннолетних детей. Анализируются основные подходы судебной практики к оценке условий брачного договора и определяются факторы, учитываемые при разрешении соответствующих споров.

Ключевые слова: брачный договор, семейное право.

В настоящее время, по данным Федеральной нотариальной палаты, ежегодно на территории Российской Федерации заключается около 100 тысяч брачных договоров. Несмотря на постепенно возрастающую распространенность данного института, для значительной части российских граждан брачный договор по-прежнему остается недостаточно привычным и понятным правовым инструментом. Вместе с тем его значение в регулировании семейных отношений достаточно велико, поскольку посредством заключения брачного договора супруги получают возможность заранее определить имущественные последствия брака и урегулировать возможные вопросы, связанные с разделом имущества, в договорном порядке.

Брачный договор может распространяться как на имущество, уже принадлежащее супругам на момент его заключения, так и на имущество, которое будет приобретено ими в дальнейшем. Изменение условий либо прекращение действия брачного договора по общему правилу осуществляется на основании соглаше-

ния супругов, составленного в форме, установленной для заключения самого договора. При наличии взаимного волеизъявления супругов соответствующие изменения или расторжение договора могут быть произведены в любое время. Односторонний отказ одного из супругов от исполнения принятых на себя обязательств по брачному договору законодательством не допускается. Необходимо отметить, что подходы к правовому регулированию брачных договоров в различных государствах имеют существенные различия. К примеру, в США, где брачный договор пользуется особой популярностью, возможность заключить брачный договор предусмотрена только для тех, кто еще не вступил в брак. Данная модель отличается от российского законодательства, поскольку ограничивает субъектов, вступающих в брак, заключить брачный договор после регистрации брака.

В этой связи актуальным остается вопрос о правовой природе брачного договора, поскольку данный вопрос является дискуссионным в настоящее время. Споры теоретиков в отношении правовой природы ведутся в связи с тем, что рассматриваемый институт занимает промежуточное положение между семейным и гражданским законодательством, поскольку с одной стороны брачный договор является сделкой, совершение которой регулируется гражданским законодательством, а с другой стороны является соглашением супругов, отдельные положения которого отражены в семейном законодательстве. Подобное сочетание семейно-правовых и гражданско-правовых элементов предопределяет специфику брачного договора и требует комплексного подхода к его правовому регулированию. Дискуссионным является также вопрос относительно определения допустимых пределов свободы супругов при согласовании условий брачного договора, о чем указано в п. 3 ст. 42 Семейного кодекса Российской Федерации [1]. Положения законодательства прямо устанавливают, что брачный договор не может содержать положения, вследствие которых один из супругов оказывается в крайне неблагоприятном положении, а также условия брачного договора не могут противоречить положениям законодательства. По мнению теоретика А. М. Ширвиндта [2], закрепление подобного ограничения направлено на установление определенных границ договорной свободы и позволяет обеспечить последующую судебную проверку содержания заключенного соглашения. Однако в то же время оценочный характер указанных положений порождает неоднозначную правоприменительную практику. В связи с этим суд наделяется определенной свободой усмотрения при оценке как имущественного положения супругов на момент разрешения спора, так и содержания условий соглашения, заключенного ими ранее. При этом необходимо учитывать, что обстоятельства, существовавшие в период заключения брачного

договора, могли существенно отличаться от ситуации, сложившейся на момент обращения в суд, что дополнительно усложняет объективную оценку последствий договорного регулирования имущественных отношений супругов. Так, в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [3] в качестве примера крайне неблагоприятного положения, созданного условиями договора, приведено полное лишение одного из супругов права собственности на имущество, нажитое в период брака.

Следует обратить внимание и на проблему защиты интересов несовершеннолетних. Законодатель прямо запрещает регулировать брачным договором права и обязанности супругов в отношении детей. Это ограничение имеет принципиальное значение, поскольку отношения между родителями и детьми обладают самостоятельным правовым режимом и не могут быть поставлены исключительно в зависимость от договорного волеизъявления родителей. При этом содержание брачного договора так или иначе затрагивает имущественное положение семьи в целом, поскольку условия брачного договора могут предполагать как определение режима жилого помещения, так и порядок несения семейных расходов и т. д.

Анализ позиций теоретиков и материалов судебной практики позволяет определить ряд обстоятельств, которые принимает во внимание суд, разрешая споры, связанные с ущемлением имущественных прав в результате заключения брачного договора. Так, оценка договорных положений осуществляется судом с учетом следующих принципов: принципа добросовестности, разумности, справедливости. При этом обращение в суд возможно при наличии достаточных правовых оснований и наличие признака нарушения прав и законных интересов одной из сторон. Важным критерием является недопустимость ухудшения имущественного положения супруга по сравнению с тем, какая имущественная ситуация действовала до заключения брачного договора. При этом различие в объеме имущества, получаемого каждым из супругов, само по себе не является основанием для того, чтобы признать заключенный брачный договор незаконным или не действительным. Первичную оценку условий брачных договоров производит нотариус, поскольку неотъемлемым процессом заключения брачного договора является нотариальное заверение. При заключении брачного договора учитываются также следующие обстоятельства: наличие несовершеннолетних детей, нетрудоспособных иждивенцев, состояние здоровья супругов, поскольку эти факторы имеют значение для установления допустимых пределов договорного регулирования.

На основании вышеизложенного, необходимо отметить, что брачный договор является значимым инструментом, позволяющим регулировать имущественные отношения субъектов семейных отношений. Основная проблематика по вопросу заключения и реализации брачного договора заключается в следующем: неоднозначным является вопрос о содержании категории «крайне неблагоприятное положение» для супруга, а также расширенное толкование критериев, способных повлечь споры в судебной практике.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 23 марта 2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 32. — Ст. 3301; 2026. — № 52. — Ст. 8425.
2. Ширвиндт А. М. Опыты цивилистического исследования: сб. ст. / А. Е. Агеенко, И. И. Акимова, В. А. Волгина и др.: рук. авт. кол. и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. — М.: Статут, 2022. — С. 195.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06 февраля 2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>, свободный.

Криптовалюта в отечественном законодательстве: краткая история вопроса

Михайлинский Глеб Олегович, аспирант

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье рассматривается вопрос о современном состоянии рынка криптовалют и его специфика в условиях российского правового порядка.

Ключевые слова: криптовалюта, виртуальная валюта, криптоактивы, цифровизация

ХХI век стал веком цифровых инноваций. Большое количество новых изобретений, повсеместная цифровизация большого количества процессов привела к появлению новых способов участия в экономических процессах.

Одним из таких способов стало появление криптовалюты, со временем увеличившее своё влияние в торговой деятельности. Очевидно, что доля криптовалюты невероятно мала на фоне традиционных способов оплаты товаров и услуг, однако главным достоинством, и вместе с тем недостатком, является анонимность таких платежей, что порождает возможность использования криптовалюты в противоправных целях.

Российскую Федерацию данные новшества не обошли стороной. По некоторым оценкам, российские граждане совершают сделки с криптовалютой на общую сумму около пяти миллиардов долларов США в год. Цифровые активы используются на различных интернет-платформах, которые осуществляет торговлю криптовалютой. Вместе с этим, в РФ находится большой объем мировых майнинговых мощностей, используемые для добычи криптовалюты.

Обладая при этом признаками финансовой пирамиды, так как спрос формируется за счёт входа на рынок новых участников, а также высоким спекулятивным спросом, можно сказать, что потенциал для применения криптовалют достаточно ограничен.

Распространение криптовалюты создает угрозы не только для российских граждан, но и для всей мировой экономической арены, приводя к дестабилизации финансовой системы и создавая угрозы использования криптовалюты в незаконной деятельности [1]

В юридической доктрине как отечественных, так и зарубежных учёных использование термина «криптовалюта» происходит вместе с другими синонимичными терминами [2, с. 135], именующие данное техническое явление. К таким терминам относятся, например: «цифровая валюта», «электронные денежные средства» и «виртуальная валюта».

Для дачи наиболее качественного термина необходимо данные понятия разводить. Так, цифровая валюта является наиболее общим определением, под которым понимается такая форма денежных средств, которая существует только в цифровом виде, материальный эквивалент у нее отсутствует.

Цифровая валюта, в свою очередь, делится на регулируемую и виртуальную. Под регулируемой понимается цифровая валюта, регулятором которой является центральный банк государства. Виртуальная валюта, в свою очередь, охватывает электронные деньги и криптовалюты. Данные деньги не регулируются центральным банком государства, а находятся в сфере контроля их разработчика.

Подходы, проиллюстрированные в докладе вышеназванной международной организации, были переняты законодательством различных государств.

Центральный банк РФ в своём обзоре определил криптовалюты как децентрализованную виртуальную валюту, которая основана на вычислительных алгоритмах и защищена криптографическими методами. Выпуск криптовалюты осуществляет на основе распределённых реестров, под которыми понимается система децентрализованного хранения и одновременной обработки любой информации на различных носителях у всех участников оборота. Одним из вариантов претворения в жизнь системы распределённых реестров является технология блокчейна, в котором данные структурируются в виде блоков транзакций, имеющих определённую последовательность.

Что касается вопроса природы криптовалюты, то в настоящее время существует две теории о криптовалюте. Обязательственная теория говорит о том, что праву владельца криптовалюты корреспондируются обязанности остальных участников расчётной системы, которые основываются на её внутренних правилах. Однако, отношения по поводу криптовалюты не содержат каких-либо действий, совершающихся в отношении других участников системы, что ставит под сомнение отнесение криптовалюты к обязательственным правам. Определение конкретного содержания данного права затруднено в первую очередь проблемой идентификации субъекта, к которому данное право требования может быть обращено. Также, отсутствует механизм обеспечения передачи криптовалюты от продавца к покупателю. Пункт 3 статьи 1 ФЗ № 259 содержит положение о том, что «в отношении электронных денег отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных» [3].

Вторая теория, относящая криптовалюты к вещному праву, также не выглядит убедительно. В ГК РФ закреплено, что имущество может быть телесным и бестелесным. У криптовалюты нет материального эквивалента, что делает неразумным отнесение её к вещи. Право собственности не приспособлено к обслуживанию режима принадлежности блага, которое не имеет материального выражения [4]. Отнесение криптовалюты к бестелесному имуществу, а именно к иному имуществу, к которому также относятся безналичные деньги, имеет место быть. Однако в данном случае правовая природа криптовалюты не будет четко определена. Такая позиция получила распространение в судебной практике с 2018 года — суды расценивают криптовалюту как имущество [5].

Говоря об особенностях экономического оборота криптовалют, стоит отметить, что чрезмерная сложность механизма обращения и технологического обеспечения процессов, данный феномен привлекал к себе внимание сразу нескольких отраслей, в том числе сферы информационных технологий, экономическую, юридическую и предпринимательскую.

В Российской Федерации поиск путей интеграции криптовалюты в традиционные экономические процессы начался в 2017 году [6]. В данных работах, основные акценты были направлены либо на трактование предмета, определение которого было слишком широким, либо внимание уделялось лишь отдельным акцентам.

В 2014 году Центробанк опубликовал письмо, касающееся вопросов использования виртуальных валют при совершении сделок, в частности, как пример был взят Биткоин [7]. На протяжении следующих четырех лет действия законодателя были направлены на ограничение распространения криптовалюты, включая Поручение Президента России 2014 года.

Первая же существенная попытка внесения изменений в законодательство состоялась в 2018 году, отраженная в законопроекте «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», известный как закон «О цифровых правах». В данном законопроекте отсутствует конкретное урегулирование правил оборота криптовалют, они лишь закрепляли статус возникающих при использовании криптовалюты гражданских отношений.

У криптовалютного рынка отличия от классических рынков, фондовых и валютных, заключается не только в структуре. Так, например, к другим важным особенностям можно отнести уровни капитализации, волатильности, а также влияния фундаментальных факторов и доступности.

Крипторынок сравнительно молодое явление, а потому, количество клиентов у него разительно ниже, чем у фондового или валютного. На пике интереса, в 2021 году, капитализация всех криптовалютных сделок составляла чуть более 3 трлн долларов, а после обрушения рынка в 2022, всего лишь 900 млрд. В то время как в 2022 году объем одних лишь торгов на валютном рынке составлял 5–6 трлн. Объем мирового фондового рынка составлял же 80 трлн.

Из-за низкой ликвидности криптовалютных активов, на нем наблюдается высокая волатильность. Операция размером в 100–200 млн долларов способна оказывать существенные волнения на рынке активов, в то время как на других рынках — волнений не будет вовсе.

Таким образом, с учетом всех особенностей крипторынка, ему сейчас не хватает только времени существования. В будущем, когда количество активов и их владельцев увеличится, рынок станет более стабильным. Кроме того, расширение актуальности рынка непременно приведет к его более качественному законодательному регулированию.

Литература:

1. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций — Банк России — Москва — 2022 г.
2. Егорова, М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства / М. А. Ефимова, Л. Г. Егорова. — Текст: непосредственный // Lex Russica. — 2019. — № 7. — С. 130–140.
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/
4. Бевзенко, Р. С. Объекты гражданских правоотношений. Учебное пособие для студентов юридических специальностей / Р. С. Бевзенко. — Самара: Изд-во Самарского гос. экон. ун-та, 2007. — 66 с. — Текст: непосредственный.
5. Лолаева, А. С. Правовая природа криптовалюты / А. С. Лолаева, С. А. Макиев, Э. С. Бутаева. — Текст: непосредственный // Юридические исследования. — 2021. — № 12. — С. 20–32.
6. Кешелава, А. В. Введение в «Цифровую» экономику / А. В. Кешелава, В. Г. Буданов, В. Ю. Румянцев. — М.: ВНИИГеосистем, 2017. — 29 с. — Текст: непосредственный.
7. Информация Банка России от 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» // URL: <https://base.garant.ru/70574620/>

Правовой режим обязательств имущественного характера при разделе имущества супругов

Суверов Кирилл Алексеевич, студент

Научный руководитель: Дондоков Жаргал Дармаевич,
старший преподаватель

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации

В статье анализируется правовой режим обязательств имущественного характера супругов применительно к разделу их общего имущества: критерии разграничения общих и личных долгов (пункт 2 статьи 45 СК РФ), порядок их пропорционального распределения (пункт 3 статьи 39 СК РФ) и распределение бремени доказывания расходования средств на нужды семьи. Отдельное внимание уделено соотношению внутренних и внешних последствий такого распределения для кредиторов и роли брачного договора. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: раздел имущества супругов, общие обязательства супругов, личные обязательства, нужды семьи, бремя доказывания, солидарная ответственность, брачный договор.

Раздел имущества супругов давно не сводится к распределению активов: в состав имущественных отношений современной семьи всё чаще входят кредитные, ипотечные и предпринимательские обязательства, и раздел, ограниченный активами без учёта приходящихся на них долгов, не отражает реального экономического положения сторон. При этом, в отличие от режима общей совместной собственности, где закон закрепляет чёткую презумпцию общности всего нажитого в браке (пункт 1 статьи 34 СК РФ), в отношении долгов такая презумпция не установлена, что порождает разночтения в судебной практике и делает актуальным самостоятельный анализ правового режима таких обязательств.

Семейный кодекс РФ не содержит легального определения понятия «общий долг супругов», оперируя лишь производными от него терминами в статьях 39 и 45. Под обязательством имущественного характера супругов следует понимать гражданско-правовое обязательство (статья 307 ГК РФ), возникшее в период брака и подлежащее учёту при разделе имущества; само понятие «правовой режим» применительно к супружескому имуществу объединяет не только принадлежность прав, но и динамику ответственности по связанным с ним

обязательствам [8]. При этом важно различать внутренний аспект распределения долга — вопрос о долях супругов между собой — и внешний, обязательно-правовой аспект: кто из них остаётся обязанным перед кредитором. Смещение этих аспектов — распространённая ошибка практики: раздел имущества не изменяет прав кредитора, не привлечённого к участию в деле, а перевод долга допускается не иначе как с его согласия (статья 391 ГК РФ), что традиционно подчёркивается и в учебной литературе [6].

Пункт 2 статьи 45 СК РФ признаёт обязательство общим при одном из двух условий: оно возникло по инициативе обоих супругов в интересах семьи либо по инициативе одного из них, но всё полученное было использовано на нужды семьи. Из этого правила в доктрине выводится разграничение понятий «общие» и «совместные» обязательства супругов: не каждое обязательство, формально принятое в браке, автоматически подпадает под специальный режим общих долгов [7]. Презумпции, аналогичной презумпции общности имущества, закон для долгов не устанавливает, поэтому сам факт заключения кредитного договора в период брака не делает долг общим. Это подтверждено в пункте 5 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) [4]: бремя доказывания того, что средства были потрачены на нужды семьи, лежит на супруге, претендующем на распределение долга. Такое правило защищает супруга, не осведомлённого о долгах другого, хотя его механическое применение без учёта общего ведения бюджета иногда создаёт затруднения для добросовестной стороны.

После признания долга общим применяется пункт 3 статьи 39 СК РФ: общие долги распределяются между супругами пропорционально присуждённым им долям в имуществе, то есть данное правило производно от определения долей в активах. Раздел долга возможен по соглашению супругов, брачным договором либо в судебном порядке [3], однако ни соглашение, ни решение суда не создают последствий для кредитора, не привлечённого к участию в деле: обязанным перед ним остаётся лицо, указанное в первоначальном обязательстве, пока не получено согласие кредитора на перевод долга.

Практическая специфика проявляется в отдельных видах обязательств. Кредитные и ипотечные долги, направленные на приобретение общего жилья, обычно не вызывают сомнений в их семейном характере, хотя изменить состав заёмщика перед банком без его согласия невозможно, что часто ограничивает раздел присуждением денежной компенсации вместо раздела самого долга. Обязательства супруга-предпринимателя, напротив, по общему правилу считаются личными, если не доказано, что доходы или заёмные средства направ-

лялись на нужды семьи; особую сложность вопрос приобретает при банкротстве, где Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ сформировала ограничительный подход: супруг, не являвшийся первоначальным должником, отвечает по общему обязательству только общим, но не личным имуществом [5; 9]. Личными при этом остаются добрачные долги, а также деликтные и алиментные обязательства перед детьми от прежних отношений.

Во внешних отношениях с кредиторами действует иной принцип: по личным обязательствам одного из супругов взыскание обращается на его имущество, а при недостаточности — на выделенную из общего имущества долю (пункт 1 статьи 45 СК РФ); по общим же обязательствам взыскание обращается на общее имущество, а при его недостаточности супруги отвечают солидарно всем своим имуществом (пункт 2 той же статьи, статьи 323–325 ГК РФ). Отсюда — практическая целесообразность привлечения известного суду кредитора к участию в деле о разделе имущества в качестве третьего лица: иначе судебный акт о распределении долга не порождает для него никаких последствий. Супруг, исполнивший солидарную обязанность сверх своей доли, приобретает право регрессного требования к другому супругу.

Брачным договором супруги вправе урегулировать и режим долговых обязательств, однако статья 46 СК РФ обязывает уведомлять кредиторов о заключении, изменении или расторжении такого договора: при неисполнении этой обязанности супруг отвечает по своим обязательствам независимо от его условий. Закон при этом не определяет ни форму уведомления, ни последствия его неполноты, что оставляет данную гарантию недостаточно проработанной.

Таким образом, действующее регулирование закрепляет достаточно чёткую модель распределения общих долгов, однако её практическая реализация осложняется оценочным характером понятия «нужды семьи», отсутствием презумпции общности долгов и неопределённостью процессуального положения кредитора в деле о разделе имущества. Устранению этих проблем способствовало бы закрепление в статье 45 СК РФ открытого перечня обстоятельств, свидетельствующих о расходовании средств на нужды семьи, и прямое указание в процессуальном законодательстве на привлечение известного кредитора к участию в деле о разделе общего имущества.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в действующей редакции).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в действующей редакции).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака».
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.12.2022 № 309-ЭС22–16470 по делу № А71–2503/2021.
6. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2002.
7. Ломакина П. А. Правовое регулирование общих обязательств супругов: дис. канд. юрид. наук. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2021.
8. Чашкова С. Ю. Правовые режимы имущества супругов: вопросы теории и практики // Семейное и жилищное право. — 2023. — № 6.
9. Толмачев А. В. Общие обязательства супругов при банкротстве — актуальная практика [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-obyazatelstva-suprugov-pri-bankrotstve-aktualnaya-praktika> (дата обращения: 13.09.2026).

Правовой статус детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как участников гражданско-правовых отношений

Халилуллина Олеся Юрьевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье автор исследует особенности правового статуса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как участников гражданско-правовых отношений. Анализируются легальные определения понятий, виды сиротства, особенности гражданской правосубъектности, а также проблема правовой определенности статуса органов опеки и попечительства.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, правовой статус, гражданская правосубъектность, органы опеки и попечительства, социальное сиротство.

В российском законодательстве отсутствует единое легальное определение понятий «дети-сироты» и «дети, оставшиеся без попечения родителей». Основным источником, закрепляющим указанные понятия, является Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [1, ст. 1]. В соответствии со статьей 1 указанного закона под детьми-сиротами понимаются лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель. Дети, оставшиеся без попечения родителей, — это лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного родителя или обоих родителей в связи с лишением их родительских прав, ограничением в родительских правах, признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), объявлением их умершими, установлением судом факта утраты лицом попечения родителей, отбыванием родителями наказания в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей, признанием родителей больными, страдающими заболеваниями, препятствующими осуществлению родительских обязанностей, отказом родителей взять своих детей из организаций для детей-сирот, самовольным уходом ребенка из семьи, а также в иных случаях признания ребенка оставшимся без попечения родителей [1, ст. 1].

Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ дополнительно вводит понятие «лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». К ним относятся лица в возрасте от 18 до 23 лет, у которых, когда они находились в возрасте до 18 лет, умерли оба или единственный родитель, а также которые остались без попечения единственного или обоих родителей [1, ст. 1].

Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», в свою очередь, регулирует отношения, возникающие в связи с установлением, осуществлением и прекращением опеки и попечительства над недееспособными или не полностью дееспособными гражданами, и определяет основные понятия, используемые в этой сфере [2, ст. 2].

В доктрине и правоприменительной практике принято выделять два вида сиротства: биологическое (истинное) и социальное. Биологическое сиротство возникает в случае смерти обоих родителей или единственного родителя. Социальное сиротство — более сложное явление, при котором ребенок остается без попечения родителей при их жизни. Причинами социального сиротства являются лишение родительских прав, отказ от ребенка, нахождение родителей в местах лишения свободы, их асоциальный образ жизни и иные обстоятельства [3, с. 228]. Сведем данные о видах сиротства в таблице 1.

Таблица 1. **Виды сиротства и их характеристика**

	Характеристика	Примеры
Биологическое (истинное)	Ребенок остался без родителей вследствие их смерти	Смерть обоих родителей, смерть единственного родителя
Социальное	Ребенок остался без попечения родителей при их жизни	Лишение родительских прав, отказ от ребенка, нахождение родителей в местах лишения свободы

Как показывает статистика, доля социальных сирот среди детей указанной категории составляет большинство. Это позволяет сделать вывод о том, что социальное сиротство представляет собой более сложное правовое явление, чем биологическое, поскольку ребенок сохраняет правовую связь с родителями (например, алиментные обязательства), но фактически лишен их попечения.

Основу гражданско-правового статуса любого гражданина составляет правоспособность — способность иметь гражданские права и нести обязанности. В соответствии со статьей 17 Гражданского кодекса Российской Федерации правоспособность возникает у гражданина в момент рождения и прекращается смертью [4, ст. 17]. Дети-сироты, как и любые другие граждане, обладают полной правоспособностью с момента рождения.

Однако реализация этих прав напрямую зависит от дееспособности — способности гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает несколько уровней дееспособности несовершеннолетних. Малолетние, не достигшие четырнадцати лет, являются полностью недееспособными: от их имени сделки совершают только их родители, усыновители или опекуны (статья 28 ГК РФ). Несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет обладают частичной дееспособностью: они вправе самостоятельно распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами, осуществлять права автора, вносить вклады в кредитные организации, совершать мелкие бытовые сделки (статья 26 ГК РФ) [4, ст. 26].

Для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, эти общие правила имеют существенную специфику. Во-первых, их законными представителями являются не родители, а опекуны, попечители, приемные родители или организации для детей-сирот. Во-вторых, совершение сделок с их имуществом требует предварительного разрешения органов опеки и попечительства (статья 21 Федерального закона № 48-ФЗ) [2, ст. 21]. Как отмечает Л. Ю. Михеева, предварительное разрешение органа опеки и попечительства

является не столько административным актом, сколько элементом частноправового механизма защиты интересов подопечного, обеспечивающим контроль за сохранностью его имущества [5, с. 45].

Особого внимания заслуживает вопрос о дееспособности детей-сирот, достигших совершеннолетия. По общему правилу гражданская дееспособность возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста (статья 21 ГК РФ). Однако лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в возрасте от 18 до 23 лет сохраняют право на дополнительные гарантии, установленные Федеральным законом № 159-ФЗ [1, ст. 3].

Одной из наиболее острых проблем, с которой сталкиваются дети-сироты на практике, является проблема так называемой «формальной обеспеченности» жильем. Суть ее заключается в следующем: наличие у ребенка-сироты даже ничтожно малой доли в праве собственности на жилое помещение (например, 1/9 или 1/10) формально делает его «обеспеченным жильем», лишая права на получение жилья от государства, хотя фактически он там не проживает и проживать не может. В доктрине и судебной практике устоявшегося термина для обозначения данной проблемы не сложилось. В настоящей работе используется условное наименование «проблема формальной обеспеченности жильем». Сведем данные о видах жилищных прав детей-сирот в таблице 2.

Таблица 2. Жилищные права детей-сирот: проблемы реализации

Категория	Право на жилье	Проблема
Дети-сироты без доли в жилье	Имеют право на получение жилья от государства	Длительная очередь, недостаточное финансирование
Дети-сироты с ничтожно малой долей	Формально «обеспечены жильем»	Не могут получить жилье, хотя фактически не проживают в помещении

Органы власти зачастую подходят к решению вопросов формально, игнорируя правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации. Как показало обобщение судебной практики, региональные органы нередко отказывают сиротам во включении в список на жилье, ссылаясь на наличие у них доли в квартире родственников, тогда как Верховный Суд Российской Федерации в определении от 2 октября 2018 г. № 41-КГ18-36 указал, что для признания лица нуждающимся не имеют значения ни проживание у родственников, ни наличие наследства [6].

Особое место в системе субъектов гражданско-правовых отношений, связанных с детьми-сиротами, занимают органы опеки и попечительства. Они выступают одновременно в нескольких качествах: как орган государственной власти, осуществляющий контроль за деятельностью законных представителей; как участник гражданско-правовых отношений, выдающий предварительные разрешения на совершение сделок; как законный представитель ребенка в случаях, когда опекун или попечитель не назначен. Такое сочетание публично-правовых и частноправовых элементов создает правовую неопределенность: не всегда ясно, действует ли орган опеки как представитель государства или как участник гражданского оборота [7, с. 28].

Как справедливо отмечает Ю. Ф. Беспалов, двойственный статус органов опеки и попечительства — одновременно органа власти и участника гражданских правоотношений — является одной из ключевых проблем правового регулирования защиты прав несовершеннолетних [7, с. 30].

Указанная неопределенность порождает практические проблемы. Например, при совершении сделок с имуществом подопечных орган опеки выдает разрешение, но не несет ответственности за последствия сделки, если она совершена в ущерб интересам ребенка. Фактически законодательство не устанавливает обязанности органа опеки возместить ущерб, причиненный подопечному необоснованно выданным разрешением, что ставит вопрос о применимости статьи 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации [4, ст. 1069].

Таким образом, правовой статус детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как участников гражданско-правовых отношений характеризуется следующими особенностями: они обладают полной правоспособностью, но ограниченной дееспособностью; их законными представителями являются опекуны, попечители, приемные родители или организации; совершение сделок с их имуществом требует предварительного разрешения органов опеки и попечительства; они обладают дополнительными государственными гарантиями, включая право на жилое помещение. Вместе с тем правовой статус органов опеки и попечительства нуждается в законодательном уточнении, а проблема «формальной обеспеченности» жильем — в законодательном решении.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» / закон от 21 12 1996 № 159-ФЗ Федеральный. — Текст:

- электронный // СПС «Гарант»: [сайт]. — URL: <https://internet.garant.ru/#/document/10135206/> (дата обращения: 23.09.2026).
2. Федеральный, закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» / закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ Федеральный. — Текст: электронный // СПС «Гарант»: [сайт]. — URL: <https://internet.garant.ru/#/document/193182/> (дата обращения: 23.09.2026).
 3. Мазур, Д. Н. Проблема социального сиротства в современном обществе / Д. Н. Мазур. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 7 (245). — С. 227–229. — URL: <https://moluch.ru/archive/245/56592>.
 4. Гражданский, кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 / кодекс Российской Федерации (часть первая) Гражданский. — Текст: электронный // СПС «Гарант»: [сайт]. — URL: <https://internet.garant.ru/#/document/10164072/> (дата обращения: 23.09.2026).
 5. Михеева, Л. Ю. Опека и попечительство: теория и практика / Л. Ю. Михеева. — Под ред. д. ю. н., проф. Р. П. Мананковой. — М.: Волтерс Клувер, 2004. — 356 с. — Текст: непосредственный.
 6. Определение, Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 октября 2018 г. № 41-КГ18-36 / Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации Определение. — Текст: электронный // СПС «Гарант»: [сайт]. — URL: <https://internet.garant.ru/#/document/72081232/> (дата обращения: 23.09.2026).
 7. Беспалов, Ю. Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации / Ю. Ф. Беспалов. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Проспект, 2014. — 240 с. — Текст: непосредственный.

Судебный контроль за решениями об экстрадиции в Российской Федерации: содержание, пределы и современные тенденции

Халмрадова Екатерина Сергеевна, студент магистратуры

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются содержание и пределы судебного контроля за решениями об экстрадиции в Российской Федерации. Особое внимание уделено российскому законодательству и судебной практике.

Ключевые слова: экстрадиция, выдача лица, судебный контроль, уголовный процесс, права человека, прокуратура.

Институт выдачи лица иностранному государству (экстрадиции) является одной из ключевых форм международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве. Он позволяет обеспечить уголовное преследование или исполнение приговора, когда разыскиваемое лицо находится за пределами государства, ведущего производство. Одновременно экстрадиция затрагивает свободу и личную неприкосновенность, право на защиту и судебную защиту, поэтому решение о выдаче нуждается в независимой судебной проверке [1; 2].

Российское регулирование выдачи сосредоточено прежде всего в главе 54 УПК РФ. В литературе экстрадиция рассматривается как комплексный институт, сочетающий внутригосударственные процессуальные нормы и международно-правовые основания сотрудничества [9–12]. Согласно статье 462 УПК РФ решение о выдаче иностранного гражданина или лица без гражданства принимает Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель. Лицо письменно уведомляется о решении и вправе обжаловать его в суд; до истечения срока обжалования, а при подаче жалобы — до вступления судебного решения в законную силу выдача не производится [2].

Порядок судебного контроля закреплен статьей 463 УПК РФ. Жалоба подается самим лицом или его защитником в соответствующий суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения лица в течение десяти суток с момента получения уведомления. Прокурор направляет в суд материалы, подтверждающие законность и обоснованность решения. Проверка проводится судьей единолично в открытом заседании с участием прокурора, лица и защитника. Суд вправе отменить решение как незаконное или необоснованное либо оставить жалобу без удовлетворения; постановление может быть обжаловано в апелляционном порядке [2].

Принципиальное значение имеют пределы такой проверки. Часть 6 статьи 463 УПК РФ запрещает суду обсуждать виновность лица в совершении преступления, в связи с которым поступил запрос. Российский суд не подменяет суд запрашивающего государства и не оценивает доказанность обвинения по существу. Однако это не превращает контроль в формальность: суд обязан проверить наличие правового основания выдачи, компетенцию органа, соблюдение принципа двойной наказуемости, требования к тяжести деяния, сроки давности и иные обстоятельства, от которых зависит допустимость экстрадиции [2; 3].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 в действующей редакции конкретизирует предмет проверки. Судам предписано учитывать условия выдачи, предусмотренные законодательством и международными договорами, а также обстоятельства, препятствующие передаче лица. При заявлении доводов о риске пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, смертной казни либо преследования по запрещенным основаниям суд должен исследовать соответствующие материалы, а обязанность обосновать отсутствие серьезных оснований для таких опасений возлагается на органы прокуратуры [3; 7].

Особое место занимают основания отказа, предусмотренные статьей 464 УПК РФ. Выдача не допускается, в частности, если лицо является гражданином Российской Федерации; ему предоставлено убежище в связи с возможным преследованием; в России уже имеется вступивший в силу приговор или решение о прекращении производства за то же деяние; истекли сроки давности; существует судебное решение о препятствиях для выдачи; либо деяние не является преступлением по российскому уголовному закону [2]. Наличие этих обстоятельств подлежит самостоятельной проверке судом.

Федеральным законом от 8 марта 2026 г. № 50-ФЗ часть 1 статьи 464 УПК РФ дополнена пунктом 7. Теперь выдача не допускается в отношении предусмотренной законом категории иностранных граждан и лиц без гражданства, проходящих либо проходивших военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации или иных воинских формированиях Российской Федерации при наличии установленных законом условий [4]. Новое основание также входит в предмет судебной проверки.

Существенный вклад в формирование процессуальных гарантий внес Конституционный Суд Российской Федерации. В Определении от 4 апреля 2006 г. № 101-О по жалобе Х. Насруллоева и Определении от 1 марта 2007 г. № 333-О-П по жалобе М. Сайденфельда рассматривались вопросы лишения свободы в целях обеспечения возможной выдачи. Конституционный Суд исхо-

дил из необходимости распространения конституционных гарантий свободы и судебной защиты на экстрадиционное производство [5; 6].

В Определении от 27 марта 2018 г. № 818-О Конституционный Суд подтвердил, что статьи 462–464 УПК РФ образуют систему условий, препятствий и гарантий судебного обжалования решения о выдаче. Суд особо сослался на обязанность прокуратуры обосновывать отсутствие серьезного риска смертной казни, пыток, бесчеловечного обращения либо преследования по указанным законом признакам [7]. Такой подход важен потому, что экстрадируемое лицо объективно ограничено в возможности самостоятельно получить исчерпывающие сведения о будущих условиях содержания и практике иностранного государства.

Неотъемлемой частью эффективного обжалования является возможность понимать содержание решения. В Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 декабря 2014 г. № 18-АПУ14–58 указано: если лицо не владеет или недостаточно владеет русским языком, решение об экстрадиции и уведомление о нем должны быть переведены на родной язык лица либо на язык, которым оно владеет. Иначе право на обжалование становится фактически формальным [8].

Судебный контроль охватывает и принцип двойной наказуемости. Значение имеет не буквальное совпадение квалификации в праве двух государств, а то, является ли инкриминируемое фактическое деяние уголовно наказуемым и в запрашивающем государстве, и в Российской Федерации. Поэтому суд вправе обращаться к содержанию обвинения лишь в объеме, необходимом для проверки условий выдачи, не решая вопрос о виновности [3].

Научные исследования подтверждают необходимость содержательного, но ограниченного предметом экстрадиции судебного контроля. Волженкина В. М. обращала внимание на сочетание международных обязательств и процессуальных гарантий личности [9]; Строганова А. К. — на необходимость специальной процессуальной формы экстрадиционного производства [10]; Воронин О. В. — на сложную правовую природу и разнообразие моделей экстрадиции [11]. Решетнева Т. В. и Тензина Е. Ф. непосредственно связывают эффективность выдачи с содержанием проверки законности и обоснованности решения [12], а Вениаминов А. Г. показывает сложность одновременного применения российским судом национальных и международно-правовых норм [13].

Отдельной проблемой является оценка официальных заверений запрашивающего государства. Само наличие дипломатических или прокурорских гарантий не должно автоматически означать отсутствие риска нарушения прав

лица. Суду необходимо учитывать содержание заверений, их конкретность, возможность фактического контроля за исполнением, а также индивидуальные обстоятельства заявителя. Подобный подход согласуется с разъяснениями Верховного Суда РФ о необходимости исследовать доводы, связанные с возможностью запрещенного обращения, и не ограничиваться формальной констатацией наличия документов иностранной стороны [3]. Тем самым судебный контроль приобретает доказательственный характер именно в той части, которая относится к законности выдачи, а не к обоснованности иностранного обвинения.

Требование мотивированности судебного решения имеет самостоятельное значение. Поскольку последствия экстрадиции могут быть труднообратимыми, в судебном постановлении должны быть отражены существенные доводы жалобы и причины их принятия либо отклонения. Особенно это относится к заявлениям о гражданстве, предоставлении убежища, наличии параллельного уголовного преследования в России, истечении сроков давности и риске недопустимого обращения. Формальное перечисление представленных документов без оценки их содержания не обеспечивает полноценной судебной защиты. Поэтому качество мотивировки выступает одним из практических критериев эффективности судебного контроля и одновременно создает основу для последующего апелляционного пересмотра [2; 3; 13].

До судебного обжалования основная проверка иностранного запроса осуществляется органами прокуратуры. Мительская Д. Д. подчеркивает центральную роль прокурора в экстрадиционном производстве [15]. Дополнительные сложности могут возникать при установлении гражданства, поскольку российское гражданство исключает выдачу; соответствующая проблематика исследуется Овчинниковой Е. О. [14]. Судебный контроль в таких случаях служит дополнительной гарантией правильного установления юридически значимых обстоятельств.

Таким образом, судебный контроль за решениями об экстрадиции представляет собой самостоятельную гарантию прав личности в российском уголовном процессе. Суд не устанавливает виновность лица, но проверяет законность и обоснованность передачи его под юрисдикцию иностранного государства, включая наличие всех условий выдачи и отсутствие предусмотренных законом препятствий. Изменения статьи 464 УПК РФ в 2026 году подтверждают динамичный характер института и усиливают значение актуальной, содержательной судебной проверки [4]. Оптимальное развитие данного механизма связано не с превращением суда в орган рассмотрения иностранного обвинения по су-

ществу, а с повышением качества мотивированной оценки всех обстоятельств, от которых зависит законность экстрадиции.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом действующих поправок). Официальный интернет-портал правовой информации. <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 19.09.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 19.09.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» (ред. от 09.12.2025). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131317/ (дата обращения: 19.09.2026).
4. Федеральный закон от 8 марта 2026 г. № 50-ФЗ «О внесении изменения в статью 464 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_528311/ (дата обращения: 19.09.2026).
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2006 г. № 101-О по жалобе Х. Насруллоева. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60928/ (дата обращения: 19.09.2026).
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2007 г. № 333-О-П по жалобе М. Сайденфельда. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69456/ (дата обращения: 19.09.2026).
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2018 г. № 818-О по жалобе А. И. Плюты. <https://normativ.kontur.ru/document/7/313974-opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27-03-2018-n-818-o> (дата обращения: 19.09.2026).
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2014 г. № 18-АПУ14–58. <https://www.vsr.ru/files/14942/> (дата обращения: 19.09.2026).

9. Волженкина В. М. Выдача в российском уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2002. Национальная электронная библиотека. https://rusneb.ru/catalog/002178_000020_BGUNB-RU%7C%7C%7CBGU%7C%7C%7Cliber%7C%7C%7C0086829/ (дата обращения: 19.09.2026).
10. Строганова А. К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2004. 22 с. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_599385/ (дата обращения: 19.09.2026).
11. Воронин О. В. О понятии, содержании, типах, видах и сложившихся моделях экстрадиции // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 37–40. DOI: 10.17223/23088451/11/7. <https://doi.org/10.17223/23088451/11/7> (дата обращения: 19.09.2026).
12. Решетнева Т. В., Тензина Е. Ф. Выдача лиц для уголовного преследования в контексте гуманистических основ уголовно-процессуального и международно-правового регулирования // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 118–123. <https://cyberleninka.ru/article/n/vydacha-lits-dlya-ugolovnogo-presledovaniya-v-kontekste-gumanisticheskikh-osnov-ugolovno-protsessualnogo-i-mezhdunarodno-pravovogo> (дата обращения: 19.09.2026).
13. Вениаминов А. Г. Рассмотрение Верховным Судом РФ дел об экстрадиции // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 335–341. <https://cyberleninka.ru/article/n/rassmotrenie-verhovnym-sudom-rf-del-ob-ekstraditsii> (дата обращения: 19.09.2026).
14. Овчинникова Е. О. Правомерность приобретения гражданства Российской Федерации как фактор, влияющий на осуществление экстрадиции // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 5 (103). С. 132–139. https://agprf.org/userfiles/ufiles/ob%20akademii/vestnik/2024/vestnik_05_2024.pdf (дата обращения: 19.09.2026).
15. Мительская Д. Д. Роль прокурора при решении вопроса об экстрадиции // Уголовный процесс: от истоков к современности: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2024. С. 64–67. https://procuror.spb.ru/izdaniya/2024_06_03.pdf (дата обращения: 19.09.2026).

СОЦИОЛОГИЯ

Социальная работа по профилактике вторичного сиротства в замещающих семьях: проблемы и направления совершенствования

Захаркина Татьяна Алексеевна, студент

Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В статье рассматривается проблема профилактики вторичного сиротства в замещающих семьях. Анализируются статистические данные о динамике вторичного сиротства в Российской Федерации за 2015–2026 годы, причины отказов от приёмных детей. Выявляются ключевые проблемы организации социальной работы с кризисными замещающими семьями и предлагаются направления её совершенствования.

Ключевые слова: вторичное сиротство, замещающая семья, профилактика, социальная работа, сопровождение, дети-сироты.

Введение
Современная государственная политика Российской Федерации в области защиты детства ориентирована на приоритет семейных форм устройства детей-сирот. Однако, несмотря на принимаемые меры, сохраняется проблема вторичного сиротства — возврата приёмных детей в учреждения в связи с отказом замещающих родителей от их дальнейшего воспитания [1].

По данным Министерства просвещения РФ, ежегодно фиксируются случаи отмены опеки по инициативе замещающих родителей [6]. По словам М.А. Львовой-Беловой (август 2026), количество возвратов детей из приёмных семей растёт практически в каждом регионе, в некоторых — в два раза [7].

Цель исследования — изучить причины отказов от приёмных детей и разработать рекомендации по совершенствованию социальной работы с кризисными замещающими семьями.

Задачи: раскрыть понятие «вторичное сиротство»; проанализировать статистические данные; изучить причины отказов; выявить проблемы и разработать направления совершенствования.

Методы: анализ научной литературы, статистических данных, вторичный анализ исследований.

Основная часть

1. Вторичное сиротство как социальная проблема

Вторичное сиротство — это повторная утрата ребёнком семейного окружения в связи с отказом замещающих родителей от его дальнейшего воспитания [1]. Согласно определению А. Ю. Денежной, под вторичным сиротством понимается социальное явление, характеризующееся первичным или повторным помещением ребёнка-сироты в организацию для детей-сирот по инициативе замещающего родителя, органа опеки или самого несовершеннолетнего [5].

Негативные последствия вторичного сиротства:

- 1) тяжёлая психологическая травма для ребёнка, полная депривация [7];
- 2) снижение вероятности успешного устройства в новую семью [2];
- 3) дополнительные расходы государства на содержание ребёнка в учреждении [1].

2. Статистические данные о вторичном сиротстве

По данным О. В. Кучмаевой (форма 103-РИК за 2008–2019 гг.), численность детей-сирот сократилась с 734 665 человек в 2008 году до 539 805 человек в 2019 году. Ежегодно отменяется примерно 1% решений о передаче ребёнка в семью. Более 2/3 отмен происходят по инициативе самих замещающих родителей [1].

Согласно Концепции совершенствования деятельности органов опеки (2025), сохраняется проблема отменённых решений: в 2020 г. — 4,8 тыс., в 2021 г. — 5,2 тыс., в 2022 г. — 5,4 тыс., в 2023 г. — 5 тыс., в 2024 г. — 4,6 тыс. решений [5].

По данным исследования «Линия возврата», лидирующие причины отказов — трудное поведение (73%) и сложности подросткового возраста (57%). Низкая компетентность родителей — 74% [5].

По данным Е. В. Мартыновой, в Ростовской области число возвратов растёт: в 2015 г. — 12, в 2018 г. — 13, в 2021 г. — 36 детей [4].

3. Причины отказов от приёмных детей

- 1) Первая группа — личностные особенности приёмного ребёнка: нарушения здоровья, отклоняющееся поведение, последствия психологической травмы [2].
- 2) Вторая группа — личностные особенности замещающих родителей: нереалистичные ожидания, недостаточная психологическая готовность, конфликты [4].

- 3) Третья группа — недостаточная подготовка кандидатов: школы приёмных родителей не всегда обеспечивают достаточный уровень подготовки [5].
- 4) Четвёртая группа — недостаточное сопровождение семьи после устройства ребёнка [4].
- 5) Пятая группа — внешние обстоятельства: ухудшение материального положения, болезни, изменение семейного статуса [5].
4. Проблемы организации социальной работы
 - 1) Недостаточная эффективность подготовки кандидатов. 55% специалистов отметили отсутствие педагогических навыков у приёмных родителей [3].
 - 2) Недостаточная развитость системы сопровождения. Законодательно виды и формы сопровождения не определены [5].
 - 3) Кадровый дефицит. 20% специалистов указали на отсутствие специалистов по проблемам вторичного сиротства [3].
 - 4) Слабое межведомственное взаимодействие. На практике наблюдается разнонаправленность действий [4].
 - 5) Стереотипизация и стигматизация замещающих семей. 68% респондентов оценивают отношение окружения как настороженное [4].
 - 6) Правовая неграмотность замещающих родителей. 85% опекунов недостаточно просвещены в правовых вопросах [4].
 - 7) Недостаточная информированность о мерах поддержки [5].
5. Направления совершенствования
 - 1) Совершенствование подготовки кандидатов — расширение программ подготовки [3].
 - 2) Развитие системы сопровождения — создание служб сопровождения в каждом регионе [4].
 - 3) Кадровое обеспечение — расширение штатного расписания [4].
 - 4) Развитие межведомственного взаимодействия — единые алгоритмы [4].
 - 5) Информационно-просветительская работа — доступность информации [4].
 - 6) Развитие наставничества [5].
 - 7) Правовое просвещение замещающих родителей [4].

Заключение

Вторичное сиротство — острая социальная проблема. По данным на 2026 год, количество возвратов детей из приёмных семей растёт практически в каждом

регионе [7]. Ежегодно фиксируется от 4,6 до 5,7 тысячи отменённых решений, более 60% — по инициативе замещающих родителей [1; 5].

Основные проблемы: недостаточная подготовка кандидатов, слабое сопровождение, кадровый дефицит, межведомственная разобщённость, стигматизация, правовая неграмотность [3; 4; 5].

Предложенные направления позволят повысить эффективность социальной работы по профилактике вторичного сиротства.

Литература:

1. Кучмаева, О. В. Проблема вторичного сиротства в России: пути решения / О. В. Кучмаева. — Текст: непосредственный // Уральский демографический форум: сборник статей. — Екатеринбург, 2021. — С. 39–46.
2. Забелина, О. Я. Профилактика вторичного сиротства в учреждении для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / О. Я. Забелина, Е. В. Мусатова. — Текст: непосредственный // Социальное обслуживание семей и детей. — 2023. — № 22. — С. 80–90.
3. Истомина, О. Б. Кризисные состояния института семьи и вторичное сиротство в современном российском обществе: монография / О. Б. Истомина, Л. Е. Новикова. — Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2024. — Текст: непосредственный.
4. Мартынова, Е. В. Основные проблемы сопровождения замещающих семей / Е. В. Мартынова. — Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2024. — № 1. — С. 27–41.
5. Денежная, А. Ю. Сопровождение замещающей семьи и наставничество как способы профилактики вторичного сиротства несовершеннолетних / А. Ю. Денежная. — Текст: непосредственный // Общество, экономика, управление. — 2025. — № Т. 10, № 3. — С. 25–30.
6. Министерство просвещения Российской Федерации: официальный сайт. — Текст: электронный // Министерство просвещения Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://edu.gov.ru> (дата обращения: 04.10.2026).
7. Львова-Белова, М. А. Число возвратов детей из приёмных семей в соцучреждения растёт: выступление на стратегической сессии «Семья на первом месте» (август 2026) / М. А. Львова-Белова. — Текст: электронный // РАПСИ: [сайт]. — URL: <https://rapsinews.ru> (дата обращения: 04.10.2026).

ПЕДАГОГИКА

Методологические и теоретические основы реализации воспитательного потенциала проекта «Добрые игры» в современном дошкольном образовании

Грецова Людмила Эдуардовна, старший воспитатель

МБДОУ «Детский сад общеразвивающего вида № 397» г. Самары

В статье представлены теоретические основания духовно-нравственного воспитания и социализации детей дошкольного возраста средствами игрового проектирования. Автор анализирует феномен «Добрых игр» как интегративного педагогического инструмента, способного компенсировать дефицит живого общения в условиях цифровизации современного детства. В работе раскрываются концептуальные подходы, психолого-педагогические механизмы и структурные компоненты проекта, направленного на формирование ценностно-смысловой сферы личности дошкольника.

Ключевые слова: дошкольная педагогика, духовно-нравственное воспитание, игровая деятельность, теоретическое обоснование, социализация, «Добрые игры», эмоциональный интеллект.

Введение

Современное социокультурное пространство характеризуется глубокими трансформациями, которые напрямую влияют на институты детства. Избыточная цифровизация, доминирование экранного контента и дефицит традиционных форм дворовой игровой субкультуры приводят к феномену «дефицитарного общения» среди дошкольников. В педагогической теории и практике все чаще фиксируются риски снижения уровня эмпатии, деформации процессов социализации и размывания ценностных ориентиров у детей [6]. Ослабление традиционных механизмов социального развития растущего человека требует поиска новых компенсирующих технологий.

В данных условиях актуализируется поиск новых теоретико-методологических подходов к реализации воспитательного потенциала игры. В соответ-

ствии с Федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования (ФГОС ДО) ключевым ориентиром выступает приобщение детей к социокультурным нормам и традициям семьи, общества и государства [1]. Одним из концептуальных решений данной проблемы видится разработка и теоретическое обоснование долгосрочного образовательного проекта «Добрые игры», рассматриваемого как система целенаправленного формирования просоциального поведения.

Концептуальные подходы и теоретическая база исследования

Теоретический базис проекта «Добрые игры» опирается на фундаментальные положения отечественной и зарубежной психологии и педагогики:

— **Культурно-историческая концепция Л. С. Выготского**, в которой игра определяется как ведущая деятельность дошкольника, определяющая зону его ближайшего развития и выступающая школой произвольного поведения и морали [3].

— **Теория игры Д. Б. Эльконина**, рассматривающая сюжетно-ролевую игру как пространство освоения смыслов и мотивов человеческой деятельности, а также отношений между людьми [7].

— **Идея гуманной педагогики Ш. А. Амонашвили, В. А. Сухомлинского**, постулирующие необходимость взращивания духовных качеств ребенка через сопереживание, сотворчество и признание самоценности детства [2,6].

С теоретической точки зрения проект «Добрые игры» — это не просто набор игровых техник, а моделируемая педагогическая система, в которой игра выступает медиатором (посредником) между идеальной нормой морали и реальным поведением ребенка.

Структурно-функциональная модель проекта «Добрые игры»

Воспитательный потенциал проекта реализуется через синергию трех ключевых компонентов, каждый из которых решает специфические теоретико-методологические задачи:

1. Когнитивно-аффективный компонент (Развитие эмоционального резонанса).

— Механизм: Децентрация (способность мысленно встать на позицию другого человека и принять его точку зрения).

— Педагогическое содержание: Игры, направленные на вербализацию и распознавание эмоций, дифференциацию понятий «добро» и «зло», а также развитие рефлексии. В процессе этих игр абстрактные категории приобретают для ребенка личностный смысл.

2. Интегративно-деятельностный компонент (Опыт сотворчества).

- Механизм: Кооперация взамен конкуренции.
- Педагогическое содержание: Игры со строго зафиксированными правилами взаимопомощи, исключающие концепцию единичного выигрыша. Успех игровой задачи (например, «спасение» персонажа или построение общего объекта) достигается только через консолидацию усилий всех участников. Данный компонент формирует архетип синергетического взаимодействия.

3. Ценностно-ориентационный компонент (Проживание опыта).

- Механизм: Интериоризация (перевод внешних социальных правил во внутренний план личности).
- Педагогическое содержание: Игры-драматизации, театрализованные этюды и элементы сказкотерапии. Проигрывая роли альтруистических героев, дошкольник физически и эмоционально закрепляет паттерны помогающего поведения, переводя их из зоны «знаемых» норм в зону «действенных» мотивов.

Педагогические условия реализации воспитательного потенциала проекта

Теоретический анализ позволяет выделить комплекс обязательных педагогических условий, при которых проект «Добрые игры» приобретает устойчивый воспитательный эффект в условиях современного ДОУ:

- **Принцип амбивалентности игровой среды:** Создание пространства, где ребенок имеет право на ошибку, выбор деструктивной стратегии и последующее осознание ее неэффективности через естественные игровые последствия (а не через директивное порицание педагога).

- **Субъект-субъектное взаимодействие:** Педагог выступает не транслятором правил («над игрой»), а равноправным партнером («внутри игры»), транслирующим образцы эмпатийного поведения.

- **Игровая пролонгация в макросреду:** Создание смысловых связей между условным пространством игры и реальной жизнью детского сада (трансформация игрового опыта «Добрых игр» в реальное волонтерство, помощь младшим группам, бережное отношение к природе).

Заключение

Теоретический анализ проблемы позволяет сделать вывод, что проект «Добрые игры» обладает глубоким, системным воспитательным потенциалом, способным эффективно отвечать на вызовы современного информационного общества. Рассмотрение игры как структурированного проектного пространства позволяет переосмыслить классические традиции дошкольной педаго-

гики и адаптировать их к социально-психологическим особенностям современных детей.

Научная новизна данного теоретического подхода заключается в обосновании бесконкурентной игровой модели как ведущего фактора профилактики детской агрессивности и стимулятора развития гуманных межличностных отношений.

Литература:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования: утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г. № 1155 (с изменениями и дополнениями). — Текст: электронный // Официальный сайт Минпросвещения России. — URL: edu.gov.ru (дата обращения: 02.10.2026).
2. Амонашвили, Ш.А. Гуманная педагогика. Актуальные вопросы воспитания и развития личности / Ш.А. Амонашвили. — Москва: Амрита-Русь, 2019. — 288 с. — ISBN 978-5-413-01854-5. — Текст: непосредственный.
3. Выготский, Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка / Л. С. Выготский // Психология развития ребенка. — Москва: Смысл: Эксмо, 2005. — с. 200–223. — Текст: непосредственный.
4. Мухина, В. С. Возрастная психология. Феноменология развития: учебник для студентов высших учебных заведений / В. С. Мухина. — 17-е изд. — Москва: Академия, 2020. — 656 с. — Текст: непосредственный.
5. Смирнова, Е. О. Специфика современного дошкольного детства / Е. О. Смирнова // Национальный психологический журнал. — 2019. — № 2 (34). — с. 25–32. — Текст: непосредственный. <https://msupsy.ru/articles/detail.php?article=8045&ysclid=muuv12a3lo84445999>
6. Сухомлинский, В.А. Сердце отдаю детям / В.А. Сухомлинский. — Моксва: Концептуал, 2022. — 320 с. — ISBN 978-5-907472-55-6. — Текст: непосредственный.
7. Эльконин, Д. Б. Психология игры / Д. Б. Эльконин. — 2-е изд. — Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. — 360 с. — ISBN 5-691-00256-2. — Текст: непосредственный.

Научное издание

Исследования молодых ученых

Выпускающий редактор Г.А. Письменная
Ответственные редакторы Е.И. Осянина, О.А. Шульга, З.А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О.В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 13.10.2026. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 5,5.
Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый».
420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова,
д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»,
Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова,
д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.